

НИКОЛАЙ ГОРИЦВЕТОВ

ЧУГУННЫЕ
КРЫЛЬЯ

Николай Горицветов

Чугунные крылья

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

Горицветов Н.

Чугунные крылья / Н. Горицветов — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-101-9

Бывают не только истории успеха, но и истории болезни. Истории неудач, заблуждений. Герои романа «Чугунные крылья» с виду обычные, кто-то даже привлекателен. И жизненные цели у них обычные – работа, семья, достойное положение в обществе. Но по своему внутреннему складу они необычные, «не такие как все», и на всём, что бы они ни делали и к чему бы ни стремились, лежит печать «неотмирности». Они больше обычных людей устремлены к высшим смыслам – Истине, Добру и Красоте, но эта устремлённость оборачивается другой стороной – им оказываются недоступны обычные человеческие цели. Это приводит и к преступлениям, и к изоляции, и к различного рода терзаниям. Герой повести «Бег страуса под луной» особен тем, что ему до определённого момента нравится его «неотмирность». Многие даже не задумываются о существовании таких людей, у кого-то они вызовут даже презрение. Но именно посредством них, как убеждён автор, посредством знакомства с их глубоко нестандартным жизненным путём человеческий мир познаётся более полно и всесторонне.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00170-101-9

© Горицветов Н., 2020

© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Чугунные крылья	5
Часть I	5
1. Тяжёлый случай	5
2. Обличья зла	7
3. Вид на промзону	8
Часть II	12
1. Парк	12
2. Неудачное соседство	12
3. Нарисованный ветер	14
4. Чудодейственный напиток	15
Часть III	20
1. Весна отменяется	20
2. Аутизм	24
3. Визит номер два и его последствия	32
Часть IV	46
1. Авантюра	46
2. А что дальше?	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Горлицветов

Чугунные крылья

Чугунные крылья

Часть I После

1. Тяжёлый случай

Необычайное веселье нашло вдруг на Маркова, и он запрыгал на своей койке. Только вот его сосед по палате не разделял веселья. Тот по-прежнему угрюмо смотрел в окно, за которым сыпался снег и нарастали белые полосы на ветках. Капитонов совершенно не шевелился – не двигал даже зрачками. Ну, а для Маркова это стало ещё одним поводом веселиться. Ведь это надо же так – был у него сосед и вдруг превратился в сидячий памятник! Марков вприпрыжку подскочил к нему и, растянув рот, стал произносить сквозь зубы нараспев:

– Памятник, а памятник, приве-ет!

Реакция Капитонова снова оказалась нулевой. Но Марков поклялся себе вывести его из этого состояния. Он вытянул пальцы на руке в сторону соединения концов и, издавая нечленораздельное мурлыканье, ткнул Капитонова пальцами в бок. Капитонов, наконец, ожил, но тут же разъярился.

Дежурная медсестра мгновенно бросилась на дикий жалобный крик из четвёртой палаты. Его издавал Марков, которому Капитонов локтем разбил нос.

– Ах ты, скотина, падаль, мразь!!! – завизжал, срывая голос, окровавленный Марков и повалил Капитонова на пол, а тот его – за собой.

– Помогите скорее! – раздался возглас теперь уже медсестры. – Саша, Артём, сюда скорее!!

В палату ворвались два медбрата, растащили сцепившихся на полу Маркова с Капитоновым.

– Я не знаю, что делать с этими двоими! – еле удерживаясь от плача, пожаловалась медсестра. – И так все мысли у персонала занимают, да ещё тут друг с другом сцепляются! Вколоть бы им чего-нибудь побольше, чтоб дрыхли!

Тем временем, оба нарушителя спокойствия немного отрезвели от этих причитаний, но друг на друга старались не смотреть.

– Да сейчас, Марина Игоревна, мы отведём их, и им вколют, – успокаивающе сказал медбрат по имени Артём.

– Как это ещё старшая наша, Анна Дмитриевна-то, здесь по ночам дежурит! Бывают же такие женщины, сроду бы не подумала! А для меня на это согласиться – всё равно что на расстрел! Я и днём-то думаю, не сделают ли они со мной чего.

– Да всё, Марина Игоревна, успокойтесь!

– А как мне успокоиться? На вас что ли положиться?

Артём криво ухмыльнулся.

– Ну, хотя бы на нас!

Медсестра только лишь вздохнула с укоризной и пошла обратно на пост.

Очередную порцию транквилизатора вкололи сначала Капитонову. Его вывели из процедурного кабинета, а в стороне держали лицом в другую сторону Маркова.

– Марков! – раздался из кабинета грозный голос старшей медсестры, и завели теперь его. Подал голос уже спокойный Капитонов.

– Уберите от меня этого гомика!

– А надо ещё выяснить, кто он. И заодно, кто ты.

– Но я не гомик!

– Это ясно, но проблема может быть в другом.

Это говорил один из дежурных, а другой прижал палец к губам, мол, не надо с ними разговоров.

– Уберём-уберём! Что-нибудь придумаем.

Капитонова аккуратно уложили на койку.

– Как чуден и странен Божий мир! Воистину чудны дела твои, Господи! – только лишь сказал он. Он не заметил, когда сюда же уложили Маркова. За окном начало смеркаться, и это способствовало дальнейшему успокоению. Капитонов даже подумал, что ещё немного, и он сможет помолиться Богу. А то ведь всё не может. Даже не потому, что кто-то мешает. Просто в голове застревает всё земное, суетное, соблазнительное... Что вот, например, сейчас застряло в его голове? Одна девушка, здесь же, в больнице. Хоть и разделена больница на мужской и женский корпус, но всё же на прогулке могут друг друга и увидеть. И вот, ещё до снега, в погожий день конца осени, он и увидел ту девушку. Таковую даже среди здоровых поискать надо. Он ведь специально даже не смотрел, да к тому же быстро отвернулся, чтобы не пришлось вырывать глаз, спасаясь от геенны огненной. Но образ всё равно запечатлелся до самой сей поры, когда валит снег. Капитонов даже действительно решил попробовать, как вырывается глаз, но у него не мог ухватить его пальцами, наверное, слишком глубоко посажен. Может, тогда надо выдавить? Капитонов надавливал, но до конца выдавить не решался.

Вдруг вошла сказать своё веское слово старшая медсестра Анна Дмитриевна.

– Так, слушайте меня внимательно! Ещё раз это устройте – вколю вам обоим столько, что пять суток будете валяться! Не то, что на прогулку выходить, а зенки не сможете раскрыть пять суток! Понятно?

Расслабленное молчание расценивалось как знак согласия, и она вышла.

Анна Дмитриевна носила короткую стрижку, а Капитонов давно, ещё до попадания в это заведение, заметил, что из женщин коротко стригутся только хабалки. Уж во внешности медсестёр-то не было никакого соблазна, особенно старшей. Скуластое лицо, широкий «картофельный» нос и мелкие буравящие глаза – такое лицо было типично для всех грозных старух.

Позже, те же самые крепкие парни привязывали Капитонова за руки и за ноги к поручням койки. После такой дозы транквилизатора сопротивляться им было неохота. Таким же образом припечатали к койке и Маркова. Капитонов заметил это, а также то, что у Маркова в носу ватные тампоны. Да уж, погорячился...

Марина Игоревна заглянула в кабинет к старшей коллеге.

– Ой, Анна Дмитриевна, как же мы все замучились с этими переводами Капитонова из палаты в палату!

– Не говори, Мариш!

– Надо уже что-то посерьёзнее с ним решать. Пока что обратиться к Александру Ивановичу, а потом чтобы дошло до консилиума у главврача. А то мы колем-колем, а он что? Как действие кончается, так всё у него снова.

– Да, за то, что он сделал, ему если не в тюрьме, так здесь пожизненный срок светит!

– Ему явно противопоказаны соседи: в первой его Зуйченко может придушить, или он его, в пятой он тоже всех против себя настроил. В этой, как её, четвёртой – Марков. Но у Мар-

кова, я думаю, случай всё-таки куда легче. Такого соседа убрать от него – очень даже быстро на поправку пойдёт...

Разговор дошёл до заведующего отделением, Александра Ивановича Гордина.

– Что ж, уважаемая Анна Дмитриевна, я согласен с тем, что нужно собрать консилиум и глубже вникнуть в историю болезни Капитонова. Да-да, именно Капитонова. Думаю, во всей нашей больнице никто не представляет такой тяжёлый случай. А пока что мы можем сказать о причинах всех этих драк?

– Я, Александр Иванович, всех не знаю, но вот Зуйченко...

– Да, я помню. Он занимался, простите, мастурбацией, а Капитонов, узнав, сказал ему, что за это он будет гореть в аду... Что при этом можно сказать первоначально, что бросается в глаза? Что Капитонов – религиозный фанатик, которому нет дела, что все люди, с которыми он лежит, так же больны, как он, только каждый своим. Официально у него – шизофрения с религиозным окрасом. Но не всё, Анна Дмитриевна, так просто, как кажется на первый взгляд!

– А какой ещё нужен взгляд? От более глубокого мы сами все свихнёмся!

– Не свихнёмся, если взгляд будет более гуманным.

– Послушайте, Александр Иванович, это после того, как нам его передала судмедэкспертиза, когда его признали невменяемым после совершения зверского убийства?

– Да-да, понимаю, Анна Дмитриевна, без эмоций не обойтись. Но мы – работники медицины – должны использовать не их, а разум. Медицина, в том числе психиатрия – наука. А как практика – это гуманная профессия. Мы вот обычно говорим об ужесточении мер режима, увеличении доз. А что можно придумать именно в плане гуманизма?

– Ой... Видели бы вы, что с нашей Мариночкой, заговорили бы о гуманизме по другому поводу.

– А разве я не думаю о том, чтобы и Марине Игоревне облегчить участь? Я говорю о гуманизме сразу для всех... В истории болезни Сергея Капитонова большое количество психотравмирующих факторов и все они сплетены довольно причудливо. Моя задача, милочки мои, – распутать причинно-следственные связи и на основе этого побеседовать именно с этим, как многие считают, безнадежным больным. Я вот что вам скажу, я участливо проведу его память по всем трагическим этапам и покажу, как на каждом из них могло быть нечто иное, чтобы он представил иным каждый этап! Таким образом, всю жизнь свою он представит иной и себя почувствует человеком деятельным, решительным, светлым, если хотите, творческим. И, кстати, спасибо вам, Анна Дмитриевна, что указали мне на этот тяжёлый случай! Я обращусь к Михаилу Борисовичу с инициативой созыва консилиума по поводу Сергея Капитонова. И после вы увидите, какой он безнадежный больной!

– Ой, Александр Иванович, вы так говорите, так!.. Я даже если чего-то не понимаю, то чувствую, что правда ваша... Увлекают ваши слова.

– Так, ладно. Ну а нашу беседу с вами тогда можно считать оконченной.

2. Обличья зла

Прошлым летом в одном из московских храмов было большое скопление народа. Не в связи с каким-то праздником. Помимо прихожан явилось немало гостей из ближайших монастырей. Шла погребальная служба, отпевание знакомого прихожанам священника в закрытом гробу, так как тело батюшки были изрублено на куски.

После вынесения из церковной ограды гроб поместили в специальный микроавтобус с затемнёнными стёклами. Возле гроба сели близкие покойного батюшки – вдова и старший сын, а также ещё один батюшка для отпевания непосредственно на кладбище.

А оставшихся в храме прихожане перед таинством святого причащения слушали проповедь:

– ...Да не дерзнёт никто из нас, православных христиан, решать, быть ли отцу Леониду святым мучеником за веру. То дано решать только Всевышнему! Наша же задача – неустанно молиться о его душе и только лишь надеяться, что Господь явит нам знамение святости раба своего иерея Леонида!

На кладбище звучала примерно та же проповедь и, в основном, из уст сына покойного. Священства он ещё не принимал, но был близок к тому. В результате христианского воспитания он выработал в себе настоящий аскетизм. Кирилл Леонидович отрастил бородку, а длинные волосы собрал в хвост. Когда они с матерью бросали на гроб комья земли, всё происходило предельно благообразно. Кирилл даже и не плакал, а имел серьёзный, сосредоточенный вид. Мать его, конечно, всё-таки пролила слёзы, но немного и тихо, безо всяких завываний и истерик. Над всеми чувствами преобладало смирение, столь необходимое для следования за Христом в Его Царствие невечернего света.

По пути от вновь обозначенной могилы, Кирилл вёл маму под руку и вдруг заговорил:

– Да, мама, был у нас отец! Не только у нас с тобой, но и у нашего храма, и у всех православных христиан был отец. Был... Пока его не отнял у всех у нас какой-то... слуга сатаны.

– Ой, Кирилл, сынок, может о нём вовсе и не надо сейчас?

– Может и не надо, если для нас превыше всего воля Божия. Но сказать вообще о зле в разнообразных обличьях стоит, мама. Видимо, грядут последние времена мира сего, и зло, чувствуя, что ему грядёт конец, действует с особым рвением и испускает последние силы, которые действуют повсеместно и изошрённо. То там, то сям князь мира сего множит своих слуг. Чем только не увлекает служить себе! Всю свою черноту закрасит белым! Какое ведь течение разрастается – светский гуманизм! – мать цокнула языком и помотала головой. – И истинные последователи Искупителя нашего Иисуса Христа теперь должны понять, насколько нужно сузить свой путь, чтобы идти за ним след в след! Чтобы не попадать в ловушки, которыми увлекает этот мир. Гордость, уныние, расслабленность, сластолюбие – вот ловушки, расставленные повсюду князем тьмы. И наш отец чувствовал это, как никто! Он был истинный воин Христов в своей бескомпромиссности. Он всюду – и в храме, и в семье – наставлял так, чтобы никому ни на йоту не согрешить! Вот это и не нравилось попавшим в услужение дьяволу – всяким миролюбцам да плотоугодникам! Для них уже не было середины – если не получалось внять спасительному слову отца Леонида как отголоску изначального Слова, то они решили убить его. Они убрали его из этого мира, у которого свой князь, и отец ушёл в мир, который не отпадал от Творца!

– Я всё понимаю, – вздохнула мать, – будем мы, сынок, сугубо молиться и поститься. Ну а ты-то, я вижу, всё хочешь... ой, извини, тебя Господь всё больше направляет к служению после отца?

– Да, мама, даже больше того. При таком расползании сладостных и липких сетей зла я даже не хочу думать об отыскании жены.

– Ой, Господи! – мать кивнула и начала креститься.

– Да-да, мама! Я чувствую Божий призыв принять постриг.

Двое из осиротевшей семьи вернулись домой на обычном рейсовом автобусе. Кирилл отрешённо забился подальше в угол.

3. Вид на промзону

Невыносимо унылый, просто тошнотворный вид психиатрической больницы за забором с колючей проволокой даже не компенсировался ничем отрадным для глаз. На другой стороне улицы начиналась промзона с рядами складских помещений. Над ними пустынно возвышались

разлапистые конструкции опорных башен линий электропередачи. Не было ничего тоскливее появляющегося в сумерках света окон больницы. Казалось, даже внутри уютнее и веселее, чем снаружи.

И вот, в одном из помещений заработал телевизор. Это медбрат, удерживающий буйных, Артём, решил посмотреть футбольный матч, воспользовавшись тем, что в безлюдной ординаторской был телевизор. Но вскоре дверь открылась. Это была, конечно, Анна Дмитриевна.

– Та-ак, Тёмочка. Нашёл минутку, да? А ты знаешь, что Марина наша Игоревна вся чуть ли не в судорогах!

– Ну да, я знаю, что ей здесь тяжело стало в последнее время работать.

Старшая медсестра укоризненно кивала.

– А-а... что?

– А вот то, что может ты будешь настоящим мужчиной и сделаешь то, чего не может сделать бедная женщина.

– Что именно? – растерянно спросил Артём.

– Покормишь ложкой наших буйных, которые привязаны.

– Ф-фу... – выпустил воздух Артём.

– Ну, что зафукал-то сразу? Так ты настоящий мужчина, или все вы, мужики, одинаковы?

– Что-что?.. Я просто... Анна Дмитриевна... Вы как-то странно высказались.

– Как это я ещё странно высказалась?! – уже повысила она свой скрипучий голос.

– Если я пойду кормить, то я – настоящий мужчина, а если нет, то... мужик, такой как все, типичный?

– Ой, как охота ему поумничать! Или ты поможешь женщине, или ты хочешь, чтобы вы, мужики, нас поработали?

– Да всё я понял, Анна Дмитриевна, иду!

И Артём, хоть и с глубоким вздохом, но выключил телевизор.

Привязанный Капитонов думал над фундаментальным вопросом: как получилось, что он здесь оказался? Раздумья прервал Артём, подкативший к нему столик с манной кашей, солянкой, хлебом и компотом.

– Ну, доброе утро, брат во Христе!

– Здравствуй... брат... – медленно и задумчиво ответил больной.

– Будешь вкушать-то? Заметь: всё постное. Сейчас ведь пост? Рождественский. Ты насчёт этого особо не волнуйся, там, в ординаторской есть православный календарь со всеми постами. Ну так будешь принимать эту пищу?

– Буду... – прокряхтел Капитонов и стал дёргать привязанными руками.

– Я понимаю, что ты не можешь перекреститься. Но так всё-таки лучше, чтобы ты не причинил вреда ближнему своему.

Капитонов перестал дёргаться, смирился...

– Я вместо Марины Игоревны пришёл тебя кормить. Потому что ты её уже за... – тут Артём чуть не выругался и поперхнулся. – Замучил ты её совсем. Ну всё, хорош всяких слов, открывай рот.

Больной не очень понимал. Артём крикнул от затруднения.

– Ты сказал, что будешь есть. А придёт только так – мне тебе в рот класть манку и всё прочее, – и Артём стал приближать ложку. Рот наконец открылся. – Вот так!

Ещё несколько ложек было отправлено в рот Капитонова молча. А после работник отделения не удержался от дальнейшего разговора.

– Кстати, брат, мы ж с тобой толком не знакомы! Тебя всё «Капитонов» да «Капитонов», а вот имени твоего мне что-то не приходилось слышать, как и тебе моего. Как зовут тебя, не скажешь? – Артём даже приостановил движения с ложкой.

– Меня зовут Сергей, – протянул Капитонов.

– Очень приятно, Сергей. А меня зовут Артём.

Работник вместо ложки протянул руку и, привстав, пожал привязанную руку больного.

– Видишь ли, Серёга, какая ситуация? Один взрослый парень кормит с ложки другого.

Согласен, что это бредовая ситуация? Проглоти, потом скажешь.

– Согласен... бредовая.

– Ну вот! А как же так получилось-то? Ты ж вон какой заметный парень-то, на тебя если просто взглянуть, не здесь, конечно, так поверить невозможно, что ты можешь быть здесь и всё прочее... Ещё бы чуток зарядкой заняться бы тебе – стал бы совсем как я.

Сергей вдруг перестал жевать.

– Так, ну что такое, перестань плевать!

– Плотью искушаешь?

– Всё, началось! Ничем я не искушаю! Просто, глядя на тебя, говорю, что думаю. А ты вон до чего доходишь, свинячишь как.

И Артём, морщась, собрал с одеяла ложкой выплюнутую солянку и пошёл к ведру. При его возвращении Сергей заговорил в полную силу.

– А ты хоть крещённый?!

– Успокойся! Крещённый.

– А известно ли тебе, что это Божья воля в том, чтобы я здесь находился? Что какая бы ни была ситуация – главное, чтобы она была угодна Богу? Что на всё Его святая воля?! Известно ли тебе это?

– Известно! Непонятно только, почему при твоей верности Богу ты такое сделал с его служителем. Он что, был этот... еретик что ли?

– Нет, не еретик. Он был ревностный служитель Христа.

– Ну так зачем ты... – Артём вздрогнул и осёкся, – ну так чем он тебе не понравился?

– Он... озверел просто.

– Позволь, Сергей, но твоё отношение к тем, с кем ты лежишь, это разве не озверение?

– Уходи! Терзаешь ты меня! Уходи!!

В этой же палате застонал разбуженный Марков.

– Чего орёшь-то, спать мне не даёшь?

– Да тут вот этот пришёл!

– Ах, ещё и «этот пришёл»! – вскипел уже сам Артём. – Я вообще-то кормить тебя пришёл, чтобы ты с голоду не пух.

– А-а!.. Прости!

Артём и сам спохватился.

– Ладно, всё, проехали! Просто молча надо было тебя кормить...

– А неужто он ещё и не молча кормил?! – раздался в палате ещё один голос, скрипучий голос старшей медсестры. – Хоть кол на голове теши! Артём! Когда ты поймёшь, что нельзя тебе с ними разговаривать, нет у тебя на это полномочий, не врач ты! Только врач может знать, как с ними говорить! Ладно со мной начал умничать, так ещё и их будоражить вздумал разговорами своими! Что тебя тянет сегодня весь день к болтовне?!

Больные успокаивались, поняв, что не перекричат её.

– Выйдемте, Анна Дмитриевна, – объяснение прозвучало в коридоре. – Мне просто тоскливо очень.

– Ах! А мне не тоскливо!

– Нет, я прекрасно помню, Анна Дмитриевна, и про вас, и про «Марину нашу Игоревну», но просто... И за окном ведь какой вид убогий, не посмотришь в него, промзона эта, трубы на горизонте торчат и дымят... Вот...

Медсестра с удивлением раскрыла глаза.

– Ну, теперь позвольте ещё Маркова покормить.

И Артём, при неожиданном молчании начальницы, снова зашёл в четвёртую палату.

– Ну, Марков, теперь твоя очередь. Твой заклятый сосед уже покушал. А как, кстати, тебя зовут?

– Никита Александрович.

– Во как! Я, правда, отчества у тебя не спрашивал, но в ответ тогда представляюсь в твоём стиле. Артём Вячеславович.

И он подошёл пожать привязанную руку.

Капитонов уже успел успокоиться без всяких медикаментов. У него начался настрой на молитву. Он смотрел, как в небе испускают тусклый свет разрывы, утоньшения ватной пелены облаков... Такое же небо он видел когда-то в поле за лесом. Все эти места отмечены его страданием. Где он – там и его страдание. И везде у неба вид утешающий. Только подготовку к молитве кое-что растягивало. А именно – раздумья о том, *как всё произошло*. Разве, когда он маленький ходил по траве в своём районе Москвы, радуясь каждой травинке, когда там же, возвращаясь в темноте с мамой домой, пел детскую песенку про улыбку, мог ли он представить, что когда-то станет кровавым психом?

Мир просто делится на «нормальных» и «больных». Это деление хоть и незаметное, но чрезвычайно жёсткое, гораздо жёстче, чем деления людей по расовому, этническому и религиозному признакам. «Нормальные» правят миром и любой его частью, они распространяют повсюду свои стандарты. Он, Сергей Капитонов, не вписался в эти стандарты. Они негласны, их нет ни в каком своде законов, но они всё равно существуют повсюду. Он не вписался в них не потому, что не захотел – не смог. И теперь он лежит здесь привязанный, он – опасный больной... Когда впервые возвысились эти «нормальные»? Кто их возглавил? Как это произошло? Ну всё, хватит думать! Пора молиться...

А вот начальство больницы продолжало думать о Капитонове – близился консилиум у главного врача.

Часть II

Нестандартное мышление

1. Парк

В это место, в основном, приходят в хорошем, даже радостном настроении. Здесь маленькие детишки с родителями, влюблённые парочки, молодожёны, компании друзей. Здесь ходят за руку, обнимаются, бывает целуются. И очень много запечатлевают себя фотокамерой на фоне достопримечательностей мирового уровня. Словом – посмотришь на народ в этом парке – может возникнуть впечатление, что вся страна живёт вполне счастливо.

Казалось бы, что здесь делать типам с мрачным взглядом на жизнь? Но бывали всё же исключения из правила. Если их и замечал обычный, весёлый народ, то не подавал виду. И вот, в последнее время всё чаще стал появляться в парке некто, выделяющийся, как сказал поэт, «лица необщим выраженьем» – какой-то угрюмый одиночка. Периодичность его появления достигла уже раза в неделю, бывало и чаще, а бывало, наоборот, он пропадал. Но кто это отмечал?

Этот парк слишком известен, чтобы его называть. В него приезжают туристы со всего мира. Каких только языков ни услышишь в нём – и западных, и восточных, от вездесущего английского до столь, казалось бы, близкого, но при этом столь далёкого украинского! И только указанный выше мрачный тип предпочитал не говорить ни на каком языке.

Так кто же это всё-таки был? Старик? Нет, молодой человек. Девушками, он, пожалуй, интересовался, но всё равно как-то напряжённо, не умея это выразить. Взглянуть на какую-нибудь ему бывало и приятно, но потом сразу же неприятно, а иногда и мучительно – от осознания недостижимости того, что он видит.

Может быть, это был просто какой-то урод? Вовсе даже нет. Он был крупного телосложения, таким же крупным было его лицо и все черты этого лица: задумчивые карие глаза, нос с горбинкой, рот длинный, но не безобразно, вполне соизмеримый с массивной квадратной челюстью. Верхняя губа чуть выступала вперёд, но это, опять же, только красило. Кое-кто считал этого парня даже красивым. Но это говорилось без толку, не теми, кем надо. Он, в связи с этим, считал такую свою наружность ещё одним проклятием, помимо всех бывших у него. А временами он мечтал даже изуродовать себе лицо. Но пока ещё не решался, да и не знал, как это сделать. И его лицо, пожалуй, действительно можно было бы назвать приятным, если бы не постоянная угрюмость.

А ещё в этом парке, помимо прочего, располагался действующий храм. Вот в него и направлялся своеобразный парень.

Таким вот человеком был Сергей Капитонов, помимо прочего, студент факультета философии... Это были все его странности, которые можно было обнаружить в парке кому-нибудь, кто решил бы за ним следить. Чтобы увидеть прочие отклонения, нужно было наблюдать его ещё и в других местах...

2. Неудачное соседство

Ещё совсем недавно, пару месяцев назад, Володя с Яной бурно радовались своему заселению в московскую квартиру. Пусть комната всего одна, да и этаж первый и близлежащая трасса шумит, но это же Москва! То городишко Киржач под Владимиром, а то – Москва! Разницу не измерить ничем. И опять же – недалеко всё тот же парк.

Вот только не успела улечься радость, как возникла настороженность, а потом и вовсе страх. От соседей через стенку стали раздаваться душераздирающие вопли, как будто кого-то, как минимум, метят калёным железом.

Один раз под окна подъехала машина – не блестящая новизной тёмно-зелёная «девятка». Хрупкая девушка Яна в ужасе прильнула к окну. Из «девятки» вышел тот самый жуткий здоровяк. Яна панически смотрела на него, пока он не зашёл за угол дома.

– Володя! Володя! – закричала она жениху, столь же маленькому, как она сама. – Опять он приехал. Я не могу! Опять... – голос её сорвался.

– Успокойся, Яночка. Кто он, сосед что ли?

– Да! Этот непонятный страшный человек. Взгляд такой страшный, меня аж чуть не парализовало! Ты понимаешь, Володя, что нас рядом с каким-то маньяком заселили, понимаешь?!!

– Ты из-за криков его боишься?

– А из-за чего ещё?!! Где ещё можно такое услышать, где?!! Что он там делает сам с собой или с кем-то ещё?!! По-моему, ещё женские раздавались...

– Не знаю, по-моему, вопил только он, просто голос менялся до такой степени.

– Но отчего это происходит, отчего такие страшные вещи, Володенька, как ты думаешь?

– Он там, во время крика, вроде как, что-то произносит.

– Что?!

– Потихе, Яна, потихе, – шепнул Владимир, но девушку это только снова напугало. – Я пробовал вслушаться, что-то непонятное, вроде как не по-русски вообще.

– Заклинания какие-то людоедские! Ой, Володенька, миленький. – Яна стала опускаться на колени, но тот поднял её. – Умоляю, не надо нам больше никакой Москвы, уезжаем отсюда поскорее! Пока мы будем гадать, отчего он такой рёв издаёт, он нас схватит... и... и не знаю, что дальше. Может изрежет, может ещё что. Посмотри, какие мы, и какой он огромный! Что ему стоит нас схватить и к себе затащить?

Яна не переставала верещать одни и те же слова. При этом истеричном потоке слов Володя выдохнул, надув щёки и решил порассуждать:

– Но всё-таки он там не один живёт? Вот сейчас, кто ещё из машины выходил, кроме него?

Яна слегка опомнилась.

– За рулём был мужчина, в годах уже, седой. Но, может, они все сообщники?

– А женщина была?

– Ой, не знаю, может и была. Ну, не смотрела я, Володя, только он всё моё внимание поглотил.

– Так значит, это просто родители его! Может же так быть? Вырос у них психбольной детина, общаться ни с кем не может, только с ними, вот они и возят его всюду на прогулку.

– Может и так, но только, Володенька, заклинаю тебя всем, чем могу, давай уедем отсюда! Сходим в муниципалитет и всё!

– Уедем, уедем...

Последовали судорожные объятия и всхлипы.

Неудачным было и расположение квартиры молодых – в конце коридора. По пути к выходу нужно было проходить мимо этой самой ужасной двери на свете. Один раз Яна попробовала прошмыгнуть одна. При её приближении дверь открылась. Не успев рассмотреть лица Елены Сергеевны Капитоновой, Яна в ужасе ринулась обратно, что есть силы захлопнула дверь, закрыла все замки и затем долго плакала.

Крики возобновились... Володя с Яной уехали спустя три месяца после заселения. Вместо них нашлась другая пара, более габаритная.

– Ой, да неужели вы вселяетесь туда, где были мы? – зашёл разговор в коридоре муниципалитета.

– Да! А что?

– Да там рядом с нами живёт то ли маньяк, то ли не пойми кто, крики издаёт нечеловеческие!

– Что вы говорите! – воскликнул парень спортивного вида. – Надо ж, как интересно! Вот бы поскорее посмотреть на него!

У Капитоновых была ещё одна соседка, лет шестидесяти. До неё тоже доносились вопли, и сначала она тоже насторожилась, заподозрив тех самых новосёлов. Но когда поняла, кто их издаёт, то только лишь подумала с жалостью: «Что же такое случилось с Серёжей? Ну да, вздорили они там много, и вот... Эх, жизнь!».

3. Нарисованный ветер

Некоторые из тех свойств, которые ценятся у обычного человека, Сергей Капитонов считал у себя пустыми, никчёмными. Про наружность уже сказано, другим таким его свойством был ум. В школе никто не мог сравниться с Капитоновым по учёбе. С другой стороны, и школа была своеобразна: поведением учащихся она славилась на весь округ. Её называли, в частности, мама Сергея, «школой будущих уголовников».

В средних классах Сергей резко перестал ценить свою учёбу, ибо она не помогала ему наладить контакт с классом. А ведь настоящая дружба, под которой Сергей понимал дружбу со всякими крутыми, имела куда более осязаемую ценность, чем абстрактные цифры в дневнике – «четвёрки» да «пятерки». За эти цифры даже денег не получишь! Но, с другой стороны, он не слишком уж так распускал учёбу, чтобы его не чихвостили и не лишали чего-то приятного. А отношения Сергея с классом заслуживают целой эпопеи!

Вся суть в том, что Сергей, со временем, приближаясь к тому же среднему школьному возрасту, всё больше стал изображать из себя крутого. В конечном итоге, парня разоблачили так, что он снова замкнулся в себе и стал выискивать теперь своё собственное, подлинное «я». Но с этим опять оказалось проблематично, теперь ему, наоборот, мешали сложившиеся стандарты поведения и беспощадный домашний быт.

И только лишь в последних классах он стал ценить учёбу так, как в начальных. Сергей был теперь ориентирован на будущее – на высшее учебное заведение. Но вот дела – проучившись два года в заведении, называемом университетом, он снова перестал ценить свой ум! Сколько бы он ни знал, он не мог узнать, кто он такой. Пусть он так же получал исключительные похвалы от начальства факультета, но от этого не переставал принимать спиртное его отец, и не мог парень найти достойного способа заговорить с приглянувшейся ему девушкой с другого факультета.

Выходит, не всегда интеллект облегчает жизнь. Ведь есть же великая пьеса, которая носит название «Горе от ума». Об этом говорили даже врачи-педиатры, которые когда-то давно занимались с годовалым Серёжей Капитоновым, проверяя его умственное развитие. Малышу дали задание разложить геометрические фигуры, рассортировать их по форме, размеру, цвету. Справился Серёжа превосходно. Молодой маме Елене Капитоновой об этом сказали, но совсем не так, как будто хотели её обрадовать.

– Знаете, Елена Сергеевна, – заговорила медсестра, – с одной стороны, интеллект у Серёжи зашкаливает, но мы хотим вас предостеречь, сказав, что при столь высоком интеллекте бывает, особенно у мальчиков, очень негибкая психика.

Это было, пожалуй, главным пророчеством о Сергее Капитонове. А ведь даже его фамилия происходила от старинного имени «Капитон», означавшего большой ум.

Но проблема заключалась всё-таки не в большом уме, а в том, что ум у него был какой-то... нестандартный. К примеру, всё в том же детстве Серёжа любил, помимо всего прочего, рисовать простой ручкой в простой тетради в клетку. В основном, какие-то причудли-

вые сюжеты, либо виденные в «мультиках», либо выдуманные самостоятельно, а также всякие узоры, орнаменты, какие-нибудь лица. Некоторых рисунков он потом стыдился, осознавая их непристойность.

Но вот однажды ребёнок попробовал нарисовать и нарисовал... ветер. Нет, не то, что делает ветер – согнутые деревья, сорванные крыши, а сам ветер. Серёжа и в школе-то ещё не учился, не знал ни про какие воздушные массы. Просто ветер представлялся ему отдельной, так сказать, субстанцией, особым существом. И он его нарисовал. Начал с пьедестала. На пьедестале стояла ещё одна вогнутая поверхность, и в этой вогнутости помещалась круглая голова без всего остального. Глазницы, расположенные косо, сходились у лба и расходились к щекам. Рот был посередине обычным, улыбающимся, а по краям извивался вверх и вниз, этим объяснялось множество тонов завывания ветра. Сверху, на голове крепилось нечто круглое, откуда во все стороны торчали лопасти с крючкообразно загнутыми концами. Так выглядел ветер...

Серёжу мало интересовали всякие вещи, лежащие на поверхности, ему нужна была глубина... Глубина духа, из которой видимая поверхность мира будет видна иначе. В подростковом возрасте он погружался в глубины своего «я», размышлял об этапах жизни. Он пытался найти в себе нечто сокровенное и скрытое, что прольёт истинный свет на всю окружающую жизнь и навеки избавит от примитивности слов и дел.

В конечном итоге, Сергей начал ненавидеть свой ум! С помощью него он познал, конечно, много – структуру полимерных соединений, двух- и трёхстопные стихотворные размеры, точные даты начала и конца Второй Мировой войны, производную функции «тангенс икс», тот странный факт, что болгары, кивая головой, говорят «нет», а мотая ею, говорят «да». Вот сколько много разного, но только ничего нужного!

Ум Сергея открывал ему ещё и такое, чего лучше ему было бы просто не знать. Например, что он непонятен для своих родителей. Они не понимают, что ему нужно, кроме различных вещей, таких, как компьютер. В памяти у парня не отложилось моментов, когда у него подмечали какие-то конкретные способности, а не просто говорили, что он «вообще умный», во всех отношениях. «Вообще умный» значило «непонятно кто» в восприятии Сергея. Не математик, не физик-ядерщик, не психолог, не юрист, не программист, не писатель, а просто тот, кто демонстрирует свой ум как на выставке, без применения к чему-либо. Парню казалось, что ему предлагается вообще животный образ жизни – нормально есть, спать, выезжать в парк, развлекаться и чему-нибудь там учиться.

Учился он, кстати, на философа, подумав, что эта специальность и эта духовная сфера поможет ему познать себя, ибо в ней ставятся предельные вопросы, среди которых «кто я?» и «зачем я?». Но вместо этого Сергей понимал (опять же – понимал!), что «философ» близок по значению «просто умному», то есть «неизвестно кому». А Сергей хотел быть кем-то определённым по профессии и назначению. Родители не понимали, что он, помимо того, чтобы что-то получать, хочет что-то давать, притом, понятное, конкретное и нужное. И он был вынужден понимать непонимание родителей.

С таким мировосприятием, с таким самоощущением, Сергей и пришёл к христианской вере, став совершеннолетним.

4. Чудодейственный напиток

Вовсе не была такой уж красавицей студентка факультета иностранных языков, которая приглянулась Сергею Капитонову. Но Сергей всегда смотрел в глубину всего и всех и, таким образом, нечто увидел в этой девушке. В первую очередь он разглядел то, в чём она была похожа на него – серьёзное отношение к учёбе. Он не слышал её разговоров с подругами, но видел её мимику при этих разговорах – когда веселую, когда серьёзную, как и должно быть при полноценном общении. А ведь какой редкостью стало серьёзное отношение к учёбе! На

поточных лекциях по предметам, далёким от английского, она, как и её подружки, старательно переводила тексты. Лицом же она напоминала Сергею один мультипликационный персонаж, который запал ему в душу в далёком детстве. У неё была милая улыбка с выступающими крупными передними зубами, за что Сергей мысленно стал называть её Белкой. Так обсмотрев эту Белку со всех сторон, не только пространственных (но и от пространственных никуда не деться в молодости), Сергей наполнился ощущением, которое мог выразить по-философски так: совпадение реального с идеальным в отдельном объекте.

Но окончательное воздействие эта девушка оказала на Сергея в один в высшей степени весенний день. Она имела довольно узкий круг общения, и на крыльцо университета не выходила, как некоторые другие, не обязательно курящие. Уходила она в окружении подруг, очень быстро, не задерживаясь на крыльце. Но однажды, именно так быстро выйдя, она так же быстро ворвалась в душу Сергея. Ему сначала бросилось в глаза кое-что из одежды, о чём Сергей впоследствии, после трансформации своего мировоззрения, раздумывал с неприятной стороны. Но до этого было ещё далеко.

Итак, Сергей стоял на крыльце. Он не курил. В этот раз он пил минеральную воду «Нарзан». А ещё слушал в наушниках любимую радиоволну, где поставили в тот момент песню «Позывные весны». И тут мимо него прошла скорым шагом интересовавшая его девушка. Благодаря её мини-юбке он увидел, что не существует на свете более прекрасных ног. С этого момента он интересовался уже не столько девушками, сколько одной-единственной девушкой.

Вот только не ведал он способов выражения этого интереса, способы достойного знакомства, не пошлого. В оставшийся месяц учёбы на первом курсе взору Сергея однажды снова предстали эти потрясающие ноги. Однажды, когда он кое-куда отошёл, отстав от своих, и ему пришлось спускаться по лестнице рядом с этой самой Белкой, на которой сфокусировалось всё его мировосприятие, но он так и не смог этого выразить. Так сразу, неожиданно, он совершенно не был готов к знакомству. Сергей пробовал пройти вперёд, но не получалось – впереди была подружка, которая не посторонилась. Попросить пропустить парень опять же посчитал неподходящим. Словом, не мог он ничего. Разве что только рассмотреть ещё кое-что в том же роде – на ножке, на нежнейшем стиге он заметил маленькую родинку, отчего особенно бросило в жар. Но во время спуска по лестнице главенствовало всё-таки не это ощущение, а досада, ощущение себя недотёпой и слизнем. В конечном итоге знакомство он запланировал на следующий учебный год.

Но каким стало последующее лето! Как преобразился Сергей Капитонов в ожидании второго курса! Он стал исполнен мужественного спокойствия, глубины взгляда, благородства осанки, где бы он не находился. Его почти перестали терзать болезненные воспоминания, а очередные дразги между родными он стал переносить значительно легче. Родные же, со своей стороны, отметили перемену с Сергеем, не только мама, но и бабушка, и отец. Бабушка думала о благотворном воздействии свежего воздуха на даче, где Сергей этим летом находился много. И если всё-таки вдуматься, то такого не могло произойти с парнем от одного лишь вида девичьих ног! К запечатлённому в памяти образу родинки и прочим образам должно было что-то добавляться...

Конкретно Сергей никому ничего не сообщал, оставлял сокровенными свои новые чувства. Лишь матери он пробовал отдалённо намекнуть на происходящее внутри себя. Парень упоминал то село, где мать впервые встретила с отцом, спрашивал о деталях той встречи и главное – что говорил и делал отец. Елена Сергеевна вспоминала:

– Пришёл он к нам в дом молодых специалистов из армии, накаченный такой, улыбочивый. С ним ещё друзья армейские. Взял учебник, по которому я преподавала, увидел логарифмы, что-то сказал про них.

– То есть сказал про логарифмы, и этого оказалось достаточно? – вызнавал Сергей.

– Нет, потом ещё спрашивал: «Где Лена?», – когда я с огорода пришла и ноги отмывала от земли. Ну, ему перед тем ещё сказали про меня.

И что было интересно – Елена Сергеевна и не догадывалась, зачем сын всё это узнаёт. Даже когда он сказал, что его первой любовью был диснеевский персонаж по имени Гаечка и что в университете учится похожая на неё девушка – всё равно никакой догадки о причинах происходящего с ним. Не получались у Сергея намёки, ну и ладно.

Но с каждым последующим началом нового курса Сергей вдруг стал испытывать новый шок. Второго курса у него попросту не оказалось, ему пришлось «ускориться» из-за малочисленности группы философов. Правда, был вариант сменить специальность, чтобы нормально учиться на втором курсе, но Сергей что-то его не предпочёл. Смена специальности показалась ему излишним метанием. И даже если на втором курсе сохранялись поточные лекции с тем самым факультетом иностранных языков, где училась преобразившая Сергея девушка, Сергей всё равно подумал, что это не гарантия успеха. Сменой специальности он бы явил свою некую нетвёрдость, непостоянство. К тому же вариант смены специальности не выбрал больше никто, все выбрали ускорение. А как Сергея ободрили, сказав в деканате, что при его способностях ни у кого нет сомнений, что он потянет два курса за один год! Так выбор стал предрешён...

Студенту Капитонову было приятно слышать похвалы не сами по себе, а в соотношении их с тем, что может услышать *Белка*. Ведь будет же приятно ей узнать при её собственном серьёзном отношении к учёбе, что ей заинтересовался не какой-нибудь, а столь серьёзный и умный молодой человек; не такой, который поступил, чтобы специально кого-то высматривать.

Новыми одноклассниками Капитонова на экстерне стали: один – фанатично настроенный верующий католик, второй – въедливый рационалист-формалист, фанатик логики и культуры мышления. И вот, когда к ним в группу добавился Сергей, радиофундаменталист, которого звали Рома Фокин, скорее решил использовать его в качестве некоей третьей силы, рефери, который рассудит их, заняв сторону либо Божественного Откровения, либо рационального постижения истины. В то же время, самого Сергея Рома стал проверять на предмет того, действительно ли он философ, «соответствует ли своему понятию». Это был для Ромы фундаментальный принцип оценки людей. Его заинтересовало то, что Сергей говорил в день знакомства про экзистенциализм, и после он стал настойчиво расспрашивать Сергея. Это происходило следующим образом: Фокин требовал у Капитонова объяснить, как он понимает то или иное высказывание, сделать ему доклад о Хайдеггере – не преподавателю по предмету, а именно ему. Словом, так требователен не был ни один преподаватель.

– Ну чего, Серёг, я тебя спрашивал, а ты мне не сказал.

– О чём?

– Хайдеггер!

– Я до него не добрался ещё, мы не проходили.

Свою въедливость Рома пояснял пословицей: «Назвался груздем – полезай в кузов». Он давал Сергею и книгу для рецензии, но мама решительно запретила её читать, сказав, что некогда.

При этом всё Сергей уже начал забывать о девушке своей мечты, так как давно её не видел. Сперва думал – или заболела (беденькая), или перешла в другое место (сам он беденький). Но потом уже начал думать: «Ладно, помечтал немного, явил способность к преобразению и всё на этом!». Это было хорошее упражнение в светлом чувстве. Как вдруг Белка неожиданно вновь появилась аж в ноябре! И прежняя мечта ожила снова!

К тому времени у Сергея Капитонова возросла религиозность – он уже и постился, и побольше молился, читал не только «Отче наш». Только в этом не сыграл никакой роли фанатичный католик Вадим Гринько. И вообще, с ним была история, отдельная от всего вышеизложенного. О своей вере Сергей пробовал сообщать только намёками, в отличие от Вадима,

который срывал лекции в случае, если преподаватель утверждал что-либо идущее вразрез со Священным Писанием, и кричал на лекции: «Давайте не будем впадать в ересь!». Но Сергей ещё не знал, каким предстоит стать ему самому.

И однажды, когда Сергей проучился на экстерне (одновременно на втором и третьем курсах) почти до весны, всё соединилось в одной болевой точке. Произошла его самая жестокая стычка с Ромой. Сергей направился с занятия со вторым курсом в библиотеку, где и встретил Рому с Вадимом. По пути оттуда в направлении Красной площади эти двое снова повздорили.

– Ты этим иди бабушек в переходе грузи! – бросил финальную реплику Рома, повторив несколько раз.

И когда Вадим направился к метро, Роме захотелось ещё пройтись, и Сергей двинулся с ним. Прошли всю Красную площадь и ГУМ (Сергею не понравилось столь затянутое хождение), после выхода из которого началась стычка.

– А что такое любовь? – спросил Рома.

К такому вопросу Сергей и сам не готовился, и никто его не готовил. Рома высказал некоторые суждения, Сергею они показались мало связными.

– Да, что-то вроде того, – всё, что мог ответить Сергей.

– Да-а! Поговоришь с тобой на философские темы, особенно вечером!

– Тьфу, блин, да чего тебе ещё надо, когда я всё сдаю и курсовую написал, и вообще я на экстерне.

Рому это задело, и он обозлился:

– А вот что мне поесть, когда домой приду?

– Что подогреть из готового или что купить?

– Из готового...

– Не знаю твои вкусы: гречку там, вермишель.

– А котлеты?

– Котлеты если только соевые, без мяса, потому что сейчас пост.

Это был первый из тех самых намёков, но Рома сакцентировал внимание не на том.

– Ага, значит, о еде можешь говорить?

Что-либо ответить Сергей оказался не в силах, он только сжал кулаки и челюсти. Дальше было метро, в котором он ничего не видел от сдерживаемой ярости. Перед ним на эскалаторе снова возник Рома – этот гадкий выскочка, который так просто показал ему его никчёмность. На платформе Сергей всё-таки попробовал заговорить первым.

– О чём ты там меня спрашивал?

– Да ни о чём! – скривился Рома в глубочайшем презрении.

– Что, безнадежен?

– Безнадежен!

Сергей снова сжался и отошёл от него. Если бы не народ, он не знал, что бы сделал с этим мерзейшим существом. И всё же они вошли в один вагон, даже в одну дверь. Помолчали. И вдруг подал жалкий голос Рома:

– Не бывать мне, наверное, философом.

У Сергея же настроение от этого миг переменилось. Говоря коротко, он, конечно, остыл. Что же получается: у Ромы такая же неопределённость, как и у него?

– Отчего вдруг такие выводы трагические? – этот вопрос Сергея прозвучал так сочувственно, как он сам того не ожидал. В итоге, когда Сергей первым вышел из поезда, то внешне совершенно загладилась та вражда, неожиданно возникающая в историческом центре Москвы. Только дома Сергей ещё пометался и лёг с очередной из бесчисленных душевных ран, не понимая, как всё-таки Рома мог таким сделаться.

Бывали моменты, когда при встрече в метро или в отдалении с той самой девушкой, она казалась Сергею уже и не такой миловидной, какой-то старообразной. Как будто тогда, год назад она его очаровала благодаря какому-то снадобью в бутылке «Нарзана». Обычно напитком любви называют вино, но для Сергея таковым оказалась минеральная вода.

Но в дальнейшем, до конца этого суматошного учебного года, она снова стала видеться ему лучше, вновь понравилась её беличья улыбка. И даже – это впервые заметил Сергей! – она сама на него оглянулась.

Экстерн, между тем, подошёл к концу. До конца июня Капитонов дописывал последний реферат за второй курс.

С переходом на четвёртый курс пришёл новый страшный удар. Факультет Капитонова решили перенести в другое здание, отделив от факультета, на котором училась нужная ему девушка. Просто нужная и всё! Пусть Сергей так и не узнал её имени, но всё дело шло именно к тому, как он был уверен. Ведь она уже сама стала на него чуть-чуть издали смотреть, а также наоборот – специально не смотреть, чего-то опасаясь. Один раз встревоженно задержала на нём взгляд, затем резко бросила этот взгляд на противоположную стену. А шедшая перед ней подруга также смотрела на Сергея с суровым видом телохранителя. «И какая же сволочь так устроила, чтобы разные факультеты находились в разных частях Москвы?!».

...Теперь что же, всё оборвалось? Не было ничего чернее этой мысли. Сергей с той самой позапрошлой весны находился будто в дурмане и полагал, что без *Белки*, имени которой он не знает, ему не нужен будет вообще никто, и, может, он уйдёт в монастырь. И что интересно, он рассматривал монашество просто как единственный разрешенный христианством вариант самоубийства. Он также хотел в таком случае показать родственникам, у которых всё складывалось в личной жизни: «Смотрите, как бывает! Ждали от меня чего-то другого, «нормального», а получилось вот так! Кому что достанется. Пути Господни неисповедимы!». И всё равно, представление своего ухода в монастырь было столь трагичным, что у Сергея, впервые за долгие годы, стали наворачиваться слёзы.

– А может, меня просто придётся положить в психушку? – озвучил он матери и несколько иной вариант.

Его подавленное состояние заметил даже не отличавшийся особой чуткостью отец.

– Чего это он лежит такой пришибленный? – спрашивал у жены Евгений Владимирович.

Часть III

Врождённый поиск справедливости

1. Весна отменяется

Никогда ещё путь домой не казался таким бесконечным, вьюга – такой колющей, темнота – такой непроглядной. А потом, когда придёшь – если вообще придёшь, не откажут силы – жди известий из больницы о маленьком сыне. Уже прошло желание придушить одной левой ту мразь, что плохо прикрепила баллон в кузове. Одно только желание, одна цель существования – знать, выживет ли Никита.

... Вот уже и подъезд. Теперь подняться и начать следующий этап ожидания – домашний. Много ли толку, что дома теплее...

Добравшись до квартиры, Александр Марков даже не звонил в больницу – слишком страшно. Он, в обездвиженном состоянии на диване, дожидался жены. Прошла ещё одна мнимая вечность – в замке заскрежетал ключ, затем раздались... глубокие всхлипы.

– Света!! – неистово закричал и вскочил Александр. – Света, что с ним?!

– Ой, Саш, ты уже здесь?

Сквозь заплаканное лицо жены проступила – как это так?! – улыбка.

– Прости, Саш, я не хотела тебя так пугать. Никитушка наш на поправку идёт.

От перепада эмоций Марков пошатнулся. Потеряв голос, он спросил напряжённым шёпотом:

– А почему ты вся в слезах?

– А-а, это-то? Это я от того, что он говорил. Меня так тронуло, это ж не мальчик у нас, а ангел!.. Святой. Представляешь, говорит: «Почему меня скоро выпишут, а Диму ещё не скоро? Не хочу без него выписываться! Здесь ещё лежать останусь!». Представляешь, Сашенька, это ж святой у нас растёт! Как ещё это назвать? Это церковь причисляет к святым, может и Никиту нашего причислят?

Муж некоторое время помолчал, приходя в себя, вздыхая от облегчения, только затем обдумал услышанное и высказался:

– Так-то оно так, Свет. Обычные люди могут назвать Никиту святым. Но вот только с церковью проблема – там святым посчитают скорее не того, кто делал добро другим, а того, кто причинял зло самому себе.

Марков был не то чтобы убеждённым атеистом, он просто не мог сказать, есть ли Бог. Главное, он ужасался тому, что церковь иногда ставит обрядовость выше человечности. По крайней мере, некоторые представители церкви.

Эта история произошла в середине нулевых.

Зимой, на детской площадке, шестилетний Никита Марков с такими же малышами играл в войну. При этом, как известно, одни мальчишки играли за хороших, другие – за фашистов. Особенность Никиты в игре заключалась в том, что он никогда и ни за что не соглашался быть фашистом. Другие дети могли, даже его лучшие друзья, а он – нет. Как-то это ему претило и всё. Позднее, став подростком, он уже люто ненавидел нацизм. Никита слишком рано о нём узнал из книг и возненавидел саму теорию нацизма. Мальчик ужасался тому, как можно убивать или, как минимум, поработать людей за одну лишь национальность. У него от этого даже сон нарушался. Такова была цена его неумеренной любознательности с чтением и просмотром фильмов. Ещё и отец ему рассказывал, после жалея об этом.

Мальчишки играли под присмотром матерей, ведь сколько в девяностых распространилось криминала!

– Так, далеко не убегайте, ребята! – крикнула одна из мам.

Недалеко от дома проходила пустынная дорога. На том месте, которое вскоре стало застроено высокими домами, тогда был пустырь, и по нему проходила дорога. Только начались стройки, и на одну из них по разбитой дороге проехал грузовик «ГАЗ» с оранжевой мигалкой. В его кузове и прицепе находились баллоны с ядовитым газом. Вдруг грузовик попал колесом в огромную выбоину, в результате чего один из баллонов выпал из кузова и прокатился по сугробу в сторону детской площадки.

Увидев этот предмет, малыши застыли. Всё могло бы обойтись, если бы не возглас Никиты:

– Это наше новое оружие против фашистов.

Другой несмышлёныш уцепился за клапан баллона.

– Чего ты делаешь? – вмешался Никита, тоже сунув руки. Они чуть отвинтили баллон, и из него, со зловещим свистом, начал тонкой струйкой выходить смертоносный газ. Никита и его друг склонились над баллоном и наблюдали, как газ продельвает углубление в снегу, затем пытались закрутить баллон обратно.

Так газ выходил ещё минут десять, и Никита с другом уже пробовали ртом ядовитую струю. Вот тут у них и закружилась голова, а газ тем временем начал распространять запах.

– Фу, воняет! – выкрикнул ещё один ребёнок. – Ма-ам, тут что-то воняет!

И тут заговорившиеся матери мигом сорвались со скамеек, но когда подбежали к своим детям, двое уже упали без сознания. Одним из них оказался Никита...

...Последовал вызов неотложки из таксофона... Затем вызвали службу газа, оцепившую территорию... Затем отделение интенсивной терапии... Очищение крови через капельницу...

А что это за Никита, которого могло бы не стать?

Никита Марков уже в столь юном возрасте выделялся среди ровесников. Всем бросалась в глаза его справедливость, честность, рассудительность и прямота. Им восхищались и ровесники, и взрослые. В те годы он был предводителем компании, и предводителем не просто крутым, умеющим возвыситься, а добрым, всегда приходящим на помощь. Да и этот баллон он не хотел откручивать, хотел помешать, но повернул клапан в ту же сторону, что и его друг. Александр и Светлана Марковы считали себя самыми счастливыми родителями на свете, пока не случилось это...

И в других случаях Никита проявлял благородство.

Когда, вообще ещё года в три, мама укачивала его в кроватке днём, он спать не хотел. Он вообще спал меньше, чем надо, как излишне живой и подвижный. И, пролежав некоторое время после раскачивания, он сказал матери:

– А можно я встану?

– Ну вставай, – неожиданно просто для него сказала мама.

Никита встал, но потом стал сожалеть об этом, ибо должен был всё-таки лежать, раз так заведено взрослыми. А мама пошла ему на уступки, ничем не заслуженные. Это огорчило малыша до слёз. Чтобы успокоиться и очистить совесть, он попросил маму:

– Если я ещё раз скажу: «Можно я встану?», – ты мне скажи: «Нет, полежи ещё!».

Другой трогательный случай явился, когда ранней весной простудилась одна девочка, его подружка из соседнего подъезда. Никита провозгласил с грустной торжественностью:

– Весна отменяется! Я не дам ей наступить, пока не выздоровеет Надя! Я не буду никуда выходить без Нади!

Нечто подобное повторилось и в той больнице...

Но вот только при всех этих высоких нравственных качествах, которые продолжили проявляться в школьные годы, у Никиты откуда-то взялись и отклонения. Просто за большие достоинства или таланты всегда приходится чем-то расплачиваться. У Никиты такой расплатой являлся плохой сон, нередко с кошмарами, болезненная впечатлительность, обострённое восприятие несовершенства мира, несправедливости. Всё это – расплата за превышение среднестатистических человеческих показателей. Люди серые, обычные, не выделяющиеся особыми качествами или дарованиями – те ни за что и не расплачиваются, не имеют отклонений и потому называются в быту нормальными.

Что до Никиты Маркова, то он лет в семь-десять задавался, к примеру, такими вопросами: почему в мире так неравномерно распределено счастье? Может, когда вот он, Никита, бывает счастлив, кто-то в этот же момент вдруг очень несчастен? Откуда взялись нищета и голод? И в то же время богачи, владеющие дворцами, яхтами, вертолётами и прочим, но самое главное, не задумывающиеся о голодных нищих и ничем не желающих с ними делиться? Никита был слезлив. От несовершенства мира и своего собственного, когда он сознавал, как сам вдруг ненароком совершал или допускал какую-нибудь несправедливость. Или же когда, наоборот, бывал растроган. Это качество уже не назовёшь похвальным для мужчины. Бывало, что настроение мальчика менялось на противоположную крайность – он мог хохотать до изнеможения, бывал чрезвычайно разговорчив и любознателен. Со всем этим – нарушениями сна, кошмарами, перепадами настроения, он и стал наблюдаться у психотерапевта на момент поступления в школу.

Обладал Никита также обострённым осознанием человеческой смертности. По этому вопросу ребёнок обращался даже к религии. Некоторое время он понемногу молился, интересовался церковью, но потом стал ощущать в религии в основном тиранию. Его отношение к религии и особенно к церкви стало таким, как и у его родителей, которые были агностиками. По поводу бессмертия он надеялся, почти верил, что наука что-нибудь изобретёт.

Отдельно стоит сказать и о его родителях. Александр и Светлана на редкость подошли друг другу, сошлись в интеллигентности, начитанности. Познакомились они вообще в библиотеке. Светлана тогда училась в медицинском, Александр же штудировал техническую литературу – учился на автомеханика. Тема их первого разговора оказалась весьма необычной – евгеника, улучшение человеческой природы путём корректировки генов. Будущий отец просто заметил пересечение книжных тем – медицинской и инженерной. Уже став супругами, Александр и Светлана могли вести за чаем такие разговоры, какие, казалось, ведут друг с другом учёные или философы.

Но учёными они не стали, оба будучи в то же время практичными.

Светлана стала медсестрой и поэтому в больнице с маленьким Никитой, после того несчастного случая с газом, присутствовала не только как мама, но и как профессионал.

Александр проработал на автозаводе, но когда машиностроение, как и вся промышленность в стране пришло в упадок, он стал уже не собирать машины, а просто ездить на них на далёкие расстояния, став водителем-дальнобойщиком.

Итак, уже в начальной школе Никита Марков являл собой чуть ли не идеал мужчины. Однажды девочку в его классе по имени Настя поддевал один хулиганистый паренёк.

– Важности на себя напускаешь! Расфуфырилась!

– Ты давай, к русскому языку готовься! – в свою очередь вскипела Настя.

Она действительно отличалась важностью, строгостью поведения и всегда со вкусом одевалась, модничала. За это её и поддевал тот мальчишка. Он собрал к губам слюну и чуть наклонил голову над её партой. Настя замахнулась на него пеналом. Он отошёл на шаг и столкнулся с Никитой.

- О-о-о! Это ж герой нашего класса! Блюстителю порядка! Шериф О’Хара!
- Костя! Перестань поддевать девочек.
- А то что? – расплылся Костя в придурковатой улыбке.
- А то...
- Ну! – весь передёрнулся Костя.
- А то списывать не дам! И вообще, здороваться не буду.
- Ой, так страшно прям! А вот по морде врезать не погрозисься?
- Ну... если ты до такого способен опуститься, то... жаль...

И Никита спокойно пошёл на место. Через несколько секунд зазвенел звонок на урок.

Девочки, безусловно, замечали достоинства Никиты, но только про себя. Они даже стеснялись такого джентльмена. Настолько он казался им безупречным, что они считали себя недостойными даже друг с другом о нём говорить, только обменивались взглядами. Они стеснялись спросить у Маркова какой-нибудь ответ к задаче. Героизмом среди одноклассниц считалось сказать ему «привет!». Когда это происходило, как Никита отвечал! Прикрыв глаза, с небольшой, но ясной и твёрдой улыбкой говорил: «Привет!». Та, которая слышала это в ответ, испытывала счастье с примесью испуга и не могла ничего говорить подружкам.

А вот Костя Савин списывал у Никиты постоянно.

И вообще, трудно представить, как эти антиподы к средним классам могли превратиться в лучших друзей! Один – круглый отличник, другой – троечник, один – примерный, другой – сорванец. Но с годами Никита и Костя стали как-то сходиться, оказывать друг на друга взаимное влияние. Никита становился живее и подвижнее, Костя – наоборот, спокойнее и задумчивее. Будто вся их изначальная противоположность оказалась чем-то поверхностным, но объединяло их нечто глубинное. Сразу этого и не назовёшь. Какая-то принципиальность, у каждого на свой лад, стремление переделать что-то в окружающем мире. А это наиболее свойственно подростковому возрасту.

Наивысшая стадия дружбы Кости Савина с Никитой Марковым началась, когда Костя заговорил об *анархии*.

- Ты не задумывался, Никитос, что миром сейчас правят деньги?
- Слушай, Костян, задумывался, с детства ещё! Как у нас вдруг мысли сошлись!
- И так беспощадно бабло это правит! Слышал про пацана, который из-за смартфона повесился?

– Ох-х... Слышал, – горестно вздохнул Никита.

Об этой страшной истории писали в газетах. Мальчик из бедной семьи мечтал о смартфоне вместо старого мобильника. И однажды получил его в подарок не от родителей, а от тётки, более зажиточной. Но ребёнок слишком увлёкся им, и на уроке смартфон отобрали. Ребёнок оцутил свою жизнь конченной и, придя домой, повесился на двери...

– Но предложить-то ты что-то можешь? – спросил в свою очередь Никита, – революцию?

– Тут, видишь ли, если та революция, Октябрьская, которой уже сто лет... – Костя поморщился от раздумий, – она бы ещё могла что-то выправить, привести к идеальному обществу, если бы... эти большевики не стали бы снова государство возрождать с его репрессиями. Сталин оказался тем же царём, только красный, перекрашенный. Из-за этого социализм пал со временем. Не нужно было никакого государства, нужна была анархия. По верному пути пошёл Нестор Махно, он ни в какие вожди не лез.

– Интересно рассуждаешь, такого я и на истории не слышал! Откуда ты это берёшь?

– Да так, поглубже залез в историю. Книжки, фильмы, инет. Наткнулся на интересное – стал глубже копать.

– Ну, молоток ты!

– В общем, я тебе чётко скажу: самый идеальный, справедливый общественный строй – это анархия.

– Без государства?
– Естественно, безо всякой власти. Анархия – значит «безвластие».
– Это что значит, каждый делает, что хочет? А если кто-то хочет убивать, наживаться за чужой счёт?

– Эх, дотошный ты, как всегда. Это значит установление для человечества гармоничных отношений, братства, которое настанет безо всяких государств, без деления на «моё» и «твоеё», на «мы» и «они». Ещё деление людей на нации покорёжило человеческую жизнь, отсюда произошёл фашизм.

– Ненавижу фашизм! – воскликнул Никита. – Давно и люто ненавижу!

– Похвально. В меньших масштабах он ещё национализмом называется. Это и в нашей школе найти можно. Ходил в школу паренёк с юга, с Кавказа. Реальный такой пацанчик, дружелюбный, крутой. Но вот его одноклассники, мелкие ублюдки, его затравили за одну только национальность.

Никита настороженно посмотрел на друга. Тот ухмыльнулся.

– Да нет, тут всё не так трагично кончилось. Он просто уехал на историческую родину, в Дагестан куда-то. Но всё равно жалко, такой реальный был друбан. Это всё государство делает.

– Не очень понял сейчас. Государство на него натравливало всех этих придурков?

– Государство даёт преимущество одной нации перед другой. Русские объявлены какой-то там... титульной нацией. Все остальные – чужаки, хоть и живут здесь. Нерусские как будто враги.

– Не слышал я ничего такого по телевизору.

– Да счас! Всё скрыто внушается, сам не заметишь. Государство само не раскроет свою поганую сущность. Государства друг с другом воюют, простых людей убивать друг друга заставляют. Например, Россия – большая, а Дагестан – маленький.

– Дагестан вообще-то – часть России, – поправил Никита.

– А-а, – осёкся Костя, – но я бы предпочёл называть его частью мира. И вообще, хорошо бы отменить понятия «родина»? Или если бы все люди считали родиной планету Земля?

– Может, и хорошо бы, надо подумать!

– Ну подумай, ты же умный у нас.

Заиграла мелодия звонка на урок...

Так, постепенно, Никита впитывал идеи анархизма, находя в них что-то созвучное своим давним, можно сказать, врождённым мыслям и чувствам – поискам справедливости, всеобщей гармонии, ненависти к фашизму, к унижению слабых. К пятнадцати годам Никита окончательно стал убеждённым анархистом. И анархию он понимал не как вседозволенность, а как самое справедливое общественное устройство. Доказательством служило то, что его убеждения вовсе не исключали серьёзного отношения к учёбе.

Никита имел и младшую сестру Алёну, моложе на пять лет, он следил также и за её учёбой, за выполнением ей домашних заданий. Когда Никита лежал с отравлением, её, годовалую, оправили к бабушке. Характером она вышла не такая, как брат, более своевольной. Но перед братом она просто благоговела и никогда не делала того, что могло бы вызвать его хоть малейшее недовольство. Для неё он представлял такой авторитет, до которого даже отец не дотягивал.

2. Аутизм

Наиболее блистательной учёба Никиты стала с появлением такого предмета, как химия. В первую очередь это проистекало из его отравления в детстве. Никита был так устроен, что его манило изучать то, отчего он когда-либо пострадал. Когда весь класс кое-как пыхтел над

составлением уравнений химических реакций, Марков знал уже всё на год вперёд. Жаловался парень только на то, что в школе проводится мало опытов с превращением веществ. Вторая по значимости причина интереса к химии оказалась связана с анархистскими убеждениями. Главным пособием по «анархизму в действии» являлась так называемая «Поваренная книга анархиста», где говорилось о получении взрывчатых веществ, огня, дымовых завес и прочих «орудий революционного наступления» с помощью несложных химических реакций. Эту книгу зачитал до дыр Костя, и интерес мгновенно передался Никите.

Так что бок о бок развивались два свойства Никиты – увлечение химией и анархистские убеждения. Парень полагал уже однозначно, как его друг, что для осуществления братства всех людей на земле необходима отмена и национальных различий так же, как отмена различий классовых, социально-экономических. В отвержении патриотизма Никита получил поддержку от такого великого писателя, как Лев Николаевич Толстой, в тех его размышлениях поздних лет, когда он стал враждебно настроен к государству и к церкви как источникам насилия. В плане отношения к религии Никита превратился из агностика, который не может сказать, есть ли Бог, в уже убеждённого атеиста. Если анархизм отвергал земную, видимую власть, то тем более отвергал власть невидимого, видел в религии гипноз, паралич человеческой воли, не допускающий прогресса, построения справедливого гармоничного общества. Так для Никиты выявились ещё две неотъемлемые составляющие анархизма – космополитизм и атеизм.

Никита стал и старостой класса – редкий случай, когда им являлся мальчик. Когда уроки в школе подходили к концу, он отмечал в классном журнале отсутствующих. И парень сразу заметил в списке незнакомую Машу Обходчикову. Он не сразу, но спросил у классного руководителя:

- Анна Валерьевна, а вы не знаете, что это за Обходчикова Мария в списке?
- Это надомница. В школу не ходит, учителя на дом к ней приходят.
- А почему так получилось?
- Это, Никита, тебе не так уж нужно знать. Но раз ты такой любопытный – скажу, что она болеет. Теперь спроси ещё: чем.
- Спрашиваю! – не отступал парень с самым серьёзным видом.
- Никита! Если только в награду за блестящую учёбу, примерное поведение и как старосте скажу тебе. Аутизм у этой девочки. А вот дальше ничего не спрашивай. Что такое аутизм – сам поищи в книгах, в интернете – ты ж у нас вон какой книголюб!

И до Маркова дошло, что от абстрактных лозунгов он может и должен перейти к конкретным делам – как-нибудь сходить к этой больной девушке и попробовать вывести её из изоляции, убедить стать полноценным членом общества. В этом бы проявился гуманизм его воззрений.

Но только не мог Никита предположить, насколько быстро и неожиданно он сможет встретиться с Машей Обходчиковой.

У него уже выросла младшая сестра Алёна, и в связи с этим их семья переехала в трёхкомнатную квартиру в том же районе, школу менять не пришлось. Никита пошёл тогда уже в десятый класс.

Глава семьи Александр Константинович прекратил свои дальние рейсы, грузовик использовал для перевозки мебели – прежней и новой, для комнаты Никиты и комнаты Алёны.

Возвращаясь однажды с автобазы пешком, Александр Константинович увидел женщину, далеко не пожилую, непомерно нагруженную покупками. Шли они в одном направлении, Александр шёл налегке и почувствовал стыд и потребность помочь.

- Позвольте!
- Да что вы! – радостно и смущённо ответила та.
- Такой груз не для женщин!
- Ну, пожалуйста.

Александр Марков взял одну из сумок – ту, что потяжелее. На лифте они доехали до одного этажа, и оказалось, что они соседи по лестничной клетке.

– Да мы ещё и соседи! – изумился Александр.

– Да-а, я вас видела уже, это вы меня не успели увидеть!

Тут же пришла следом и супруга Маркова, Светлана Михайловна, отстояв свою почётную вахту медсестры.

– Ой, здравствуйте, я тут вашего мужа благодарю за то, что он сумки мне помог дотащить из «Пятёрочки».

– Да, Сашка у меня отзывчивый!

Тот поперхнулся, посмотрел на жену с шутливой укоризной и повернулся к соседке:

– Меня, кстати, зовут Александр.

– Меня – Светлана, – подхватила жена.

– Очень приятно, меня зовут Ирина.

– Очень приятно, – дуэтом ответили Марковы.

– У вас ещё детишки, да?

– Да, двое.

Ирина Юрьевна, спросив номер школы, где учатся дети Марковых, открыла ещё кое-что.

– А в десятом «А» кто-нибудь учится?

– Никита там учится, – с удивлением ответила Светлана Михайловна.

– Надо же! Он же одноклассник моей дочки Маши! Только она у меня надомница, потому что... – последовал вздох.

– Сочувствуем, – проговорила Светлана, догадавшись.

– Аутизм у моей доченьки!

– Это нахождение в своём вымышленном мире с изоляцией от реальности?

– В точности так! А откуда вы знаете, Света?

– Да разбираюсь немного, медсестрой работаю.

– Не устаю я восхищаться вами обоими! Какие благородные профессии и поступки!

– Да ладно вам! – отмахнулась Светлана.

Александр, откланявшись, зашёл в квартиру, Ирина обратилась к Светлане.

– В таком случае я вас особенно в гости приглашаю. Поговорим, может, подробнее о моей дочке, и о ваших детишках заодно.

На этом женщины распрощались.

Никита буквально подпрыгнул от изумления, узнав, что та самая Обходчикова Маша живёт теперь по соседству с ним.

– Не может быть! Как это так?! Я ж её так давно в списке в журнале вижу, не один год! Вот это чудеса! – тут он вспомнил, что чудес не бывает. – Вот это совпадения!

Светлана Михайловна сказала, что зайдёт к соседке пока одна.

Там про Машу она всё хорошо поняла и объяснила матери девочки, дала надежду. Но вот Ирина Юрьевна, в свою очередь, оказалась просто шокирована рассказанным о Никите – о случае с отравлением газом в детстве и о его анархистских идеях и настрое на революцию. Маше, которая не могла даже говорить, она сказала:

– Вот как, дочура моя! Сначала я, было, на что-то понадеялась, узнав, что по соседству с нами твой одноклассник переехал, но потом пришла в ужас: откуда у них взялся такой сорванец?! Мутация какая-то генетическая! От такого тебя, наоборот, оберегать надо! Через полгода только если его приглашу, не раньше, посмотрю, не будет ли буяннить!

Маша в ответ только мычала со вздохом.

Но настало всё-таки время, когда и Никиту пригласили.

– Ты только, Никит, поосторожней там, – напутствовала мама, – девочка всё-таки довольно нелюдимая, не говорит даже. Не надо, пожалуйста, никаких резких слов и жестов, лозунгов всяких. Ирина Юрьевна уж слишком насторожилась, узнав о твоих идеях.

– Ничего, мам, она изменит отношение к этим идеям!

– Но не в первый же раз!

– Не в первый, конечно, со временем.

Светлана Михайловна имела и другого рода опасение, которое она не высказала сыну: «Я видела эту Машу. Если и Никита её увидит, то может буквально с ума сойти! Он и без того впечатлителен».

Какой изначально представлялась Никите эта девушка? Он полагал, что в соответствии с её отрешённостью от мира, она должна быть невзрачной и, возможно, с какой-то застывшей на лице сморщенной гримасой. Вообще Никита представлял если не всех, то, по крайней мере, большинство людей с психическими расстройствами неприятными на вид: перекошенными, с вывернутыми руками, волочащимися ногами, отрывистыми криками вместо речи и прочими подобными дефектами.

И вот, узнав, что соседская дочка болеет каким-то аутизмом, отгорожена от общества, в первую очередь, сверстников, он даже не стал питать к ней особого интереса как к девушке. Только лишь считая гуманизм неотъемлемой составной частью анархии, Никита решил посетить соседку в знак признания равных возможностей для всех людей на планете. Не столько он хотел увидеть Машу, сколько она захотела, благодаря своей маме.

Итак, приближался момент их встречи.

– Вон там дочурка моя живёт, – указала комнату Ирина Юрьевна. – Можно к тебе, дочур? – В ответ молчание. – Значит, можно. Молчание у нас – действительно знак согласия. Не захотела бы – запищала бы недовольно. А так – пожалуйста!

Никита зашёл в направлении протянутой руки. И в этот момент у него начался новый жизненный этап. При взгляде на Машу он застыл и пошатнулся. Такой красоты он не видел ни у одной здоровой девушки. Красота казалась неземной, доходила до совершенства: круглое ясное лицо с крупными светло-кариими глазами, тёмные переливающиеся волосы, заплетённые в тугую косу, очень развитая фигура. Восторг Никиты дошёл даже до какого-то испуга. Какое-то мистическое чувство пронзило Никиту, несмотря на то что он считал себя материалистом и отвергал всякую мистику, потусторонние силы. Он вспомнил испуг гоголевского героя при виде красоты панночки. Так вот, все мистические ощущения заключались в вопросе: не колдунья ли она? Но в следующую секунду парень ощутил, что такая красота *исходит именно от болезни*. Он открыл нечто ранее неведомое – какой красивой может быть больная девушка, какою красоту может давать болезнь.

Наконец, до парня дошло, что он уже несколько секунд стоит, не шелохнувшись, с приоткрытым ртом. Он встрепенулся, поперхнулся и смущённо попробовал что-то сказать хозяйке квартиры:

– Спа-сибо, Ирин Юрьна, за приглашение!

Та смотрела в ответ как-то выжидающе, затем снова обратилась к дочери:

– Ну что, Машуль, смотри! Вот мальчик из твоей школы – Никита Марков. Из твоего класса. Ты – надомница, а он ходит в школу. Учится неплохо, особенно по химии. Да? – Никита кивнул. – Вот, если что, поможет.

Наступил ключевой момент – Маша посмотрела на Никиту. Особенным взглядом. Его не назовёшь ни смущённым, ни испуганным, ни нежным, ни тем более игривым и вызывающим. Но, в конце концов, и равнодушным также не назовёшь. Взгляд Маши оказался каким-то устало-выжидающий, словно говорящим: «Ты-то чем меня удивишь? Ты-то что изменишь в моей жизни?». В момент захода в комнату Никиты Маша вообще выполняла один ритуал, понятный только ей самой – перекладывала в разные углы стола учебник алгебры и тетрадь,

кладя тетрадь то поверх учебника, то под него, то всовывая тетрадь в учебник. Присутствие парня-ровесника этому ритуалу никак не помешало.

Никиту такой взгляд девушки довёл чуть ли не до отключки. Парень чётко понял, что говорил этот взгляд, понял, что от него чего-то ждут. Взгляд ничего не предлагал, не обещал, он только лишь ждал, с выдыхающейся надеждой, но ждал.

Глядя на ослепительно прекрасную, но при этом несчастную девушку-сверстницу, Никита не испытывал того, что в молодёжной среде пошло называется «истекать слюной». Он испытывал трепет и благоговение. Не зная, куда себя деть, он думал, не упасть ли ему к её ногам. Никита видел перед собой красоту в предельно возможном в этом мире проявлении, и эта красота – не просто красивая девушка, а сама красота – обратилась к нему. Обратилась без слов, но предельно ясно. До этого парень знал, что его жизнь ждёт от него преобразований, решительных действий. И оказалась, что эта больная, несчастная жизнь имеет облик прекрасной девушки. Отсюда вывод: как, оказывается, прекрасна его жизнь! У Никиты просились наружу слёзы, а вовсе никакие не «слюни».

А может, всё это назвать короче: Никита влюбился? Так нет же, слишком примитивно! Он обрёл свою жизнь в новом качестве: зрительно воспринимаемом. Красоту всех своих порывов и устремлений, всех величественных книг и самого мироздания он смог уместить в этот один-единственный образ – образ больной аутизмом девушки по имени Маша.

– Ну что, всё с алгеброй? – рядом ещё находилась мама Маши.

И тут наступил следующий этап знакомства Никиты с Машей – *он услышал её голос*.

Из голоса на данный момент не получалось слов. Раздалось нежное и трогательное бессловесное мычание, означающее «да».

– Что там ещё надо учить на ближайшие дни? Знаешь, Никит? – спросила Ирина Юрьевна.

– Ну, историю там... – парень перечислил остальные предметы.

– Так что давай, Маш, пока не особенно расслабляйся!

В ответ – снова тоненькое мычание, выражающее теперь усталость и задумчивость.

И тут Никита решил срочно идти домой, можно ведь так и заболеть от передозировки восторга, трепета и умиления. Он настроился на реальность данного момента и, как мог, чётко произнёс:

– Признателен вам, Ирина Юрьевна, за знакомство с Машей, я пока пойду, усталость какая-то, если что надо – ещё пригласите. Просто, если захотите. А сейчас что-то в сон клонит, извините.

– Ну что ж, Никит, приглашу! Рады будем такому умному гостю, джентльмену такому!

Но как только за Никитой закрылась дверь, с Ирины Юрьевны моментально слетела вся любезность. Она быстрыми шагами направилась к дочери.

– Значит так, Маша, не собираюсь я его часто приглашать! Никакой пользы тебе от него не будет, сорванца этого. Только внешнюю оболочку твою видит и всё, а проблемы твои ему... – Мать возмущённо махнула рукой. – На внешность-то твою смотрел, я видела как – как вкопанный, без стеснения даже. В общем, знай, родная моя, что я только для приличия, из уважения к соседям его пригласила! А так он тебе не особенно нужен со своими бредовыми идеями да похотью.

В течение дня у Никиты все движения стали замедленны. А ночью он не спал до двух часов. Занимался ли чем? Заливался слезами...

У Маши же в уме Никита не особенно запечатлелся, оказался просто промелькнувшим объектом. И вообще реальный мир представлялся для девушки второстепенным и малопонятным. Она осознавала в нём что-то лишь посредством мамы. Как мама скажет про объект реального мира – так и есть, своего мнения о чём-либо Маша составить не могла. Сказала мама,

что придёт мальчик из её класса – значит так надо, и ничего страшного. Затем мама сказала, что ему незачем приходить, что в нём ничего хорошего, сочувственного – снова ни грамма возражения.

Реальный мир представлялся девушке пустыней с декорациями. Физически она воспринимала этот мир – видела, слышала и так далее, но не вдумывалась в то, что значит воспринимаемое. Есть дома и деревья, много чего ещё – но всё это не более, чем декорации в пустыне. Есть и люди, которые мечутся туда-сюда, как перекасти-поле, барханы или дюны в пустыне. Они мечутся из-за каких-то своих дел. Бывали в мире особенно красивые декорации – этим только реальность могла привлечь Машу. Например, деревенька с прудом посередине и лесом на краю – вот это чудесно. Красота, встречаемая местами – вот единственное оправдание реальности в восприятии Маши.

О своей привлекательности Маша вполне себе знала, ведь ей делали много комплиментов, которые, главное, подтверждала мама. Но это знание никак на неё не действовало – не радовало, не раздражало, не давало каких-либо надежд. Так можно знать таблицу умножения или какие-нибудь справочные сведения. Именно так знала Маша о своей миловидности и статности – между прочим. Знала, что это есть, но не знала, как этим пользоваться. Может, это вообще составная часть её болезни... Взбодрить, оживить Машу комплиментами её внешности являлось абсолютно бесполезной затеей.

Оценивать внешность других людей Маша вообще практически не могла. Слишком уж быстро эти люди мельтешат туда-сюда, никого толком не разглядишь. Вот, приходил этот мальчик, сосед-одноклассник, Никита. Маша видела, что он среднего роста, худощав, у него чёрные подстриженные волосы, крупные серые глаза с каким-то встревоженно-задумчивым выражением, высокий нос, ямочки на щеках, заострённый подбородок. Но определить при этом – красив ли он, Маша не могла. Только в одном случае смогла бы посчитать его красивым – если бы так сказала мама. Равно как если мама назвала бы Никиту уродливым – Маша и тогда подумала бы так же.

Вот если бы какие-нибудь облака, окрашенные в разные цвета закатом, – это бы Маша посчитала красивым. Или лес, или деревню. Всё потому, что в отличие от людей ни облака, ни лес, ни деревня никуда не торопятся ни по каким своим делам. То, что спокойно и твёрдо стоит на месте или движется, но очень легко и непринуждённо, то и у Маши вызывало ощущения спокойствия, надёжности, лёгкости и, наконец, красоты. Люди же оказывались для Маши самым проблемным явлением в реальности.

А интересовал ли хоть как-нибудь эту старшеклассницу противоположный пол? Внешне это вовсе никак не проявлялось. Опять же, девушка воспринимала всё посредством мамы. В глубине её существа всё-таки жила мечта с кем-то познакомиться, что почти равнозначно мечте о чуде. Но познакомиться могла только мама, подобрать какого-нибудь парня, похожего своей неторопливостью, задумчивостью, созерцательностью. Маша верила, что когда-нибудь мама сотворит для неё это чудо, после которого она начнёт понемногу переселяться в мир, называемый реальностью, а там, может, и до излечения дойдёт...

Сама же Ирина Юрьевна, в общем и целом, достойно несла такой крест, как аутизм дочери. Она об этом не причитала, руки не заламывала, только вздыхала иногда, и то старалась пореже. Она была человеком довольно верующим и покорно, с молитвами ждала, когда Бог смилостивится. С другой стороны, она сама являлась богом в восприятии дочери. Ирина Юрьевна одна понимала полтора с лишним оттенков в бессловесном голосе Маши – от тоски до восторга, от возмущения до согласия, от мольбы до безразличия, от вопроса до понимания... Понимала она и взросление дочери, и связанные с этим возможные потребности, пусть пока и, так сказать, не высказанные, не выраженные ею. В частности, найти бы мальчика, школьника или даже студента, который мог бы благосклонно отнестись к Машинной болезни, а там... кто знает, как может выйти дальше. Вот только к приглашённому однажды соседу

Никите Ирина Юрьевна с самого начала относилась неодобрительно, считала его каким-то бешеным. Её ужасали его выходки в далёком детстве, о которых она слышала, в первую очередь, с тем баллоном, его идеи всемирной анархии, когда должны разрушиться все государства и исчезнуть контроль человека за человеком. А как, например, Маша, разве выживет без контроля матери? Нет, не выживет! Так что идеи Никиты Маркова шли вразрез и с христианской верой Ирины Юрьевны, и с её всепоглощающей любовью к дочери, никак не сулили понимания их обеих.

Про парней – ровесников Маши – Ирина Юрьевна в целом думала как о тех, кто при встрече с Машей будет хотеть от неё самого низменного в связи с её редкостной наружностью. И поэтому вообще надо бы повременить с тем, чтобы кого-то для неё находить. Может, до совершеннолетия Маши или до её двадцати с чем-то лет. До того, как поступит куда-нибудь, естественно, на заочное отделение или дистанционно. Пока что, при надобности выходить с Машей к врачу или просто на прогулку, Ирина Юрьевна одевала её в большие просторные свитера, скрывавшие фигуру, и другими способами старалась уменьшить броскость её внешности.

Тем временем, в соседней квартире, с Никитой происходило что-то не то. Уже который день, с того самого визита. Оба его родителя это заметили, но спросить не решались. У матери отдалённые догадки уже возникли, но она о них молчала, ждала, что рано или поздно Никита выскажется сам, и так будет лучше. Парень стал меньше есть и спать, телевизором и соцсетями не интересовался вообще, голос его стал тише. Он будто больше стал похож на соседку Машу, как бы чуть заразился аутизмом, хотя эта болезнь не заразная. То же заметили и в школе. Но объяснить Никита этого не мог не только учителям, не только родителям и друзьям, но даже самому себе. Происходящее с ним никак не находило словесного выражения. Да, это образ соседской девушки так его оглушил, заслонил всё вокруг. Но как это произошло? Даже любовью в обычном, распространённом, весёлом смысле, той любовью, которая легко рифмуется с какой-то «морковью», это не назовёшь. Может, и любовь, но другая, иной природы, особенно возвышенная и оттого устаревшего типа? Каким бы странным не было состояние Никиты, он не хотел, чтобы оно проходило, он боялся его потерять, испытывал потребность его понять. В нём таился исток какой-то поистине новой жизни и вселенской гармонии.

Раньше Никита не знал, что психически больная девушка может быть такой очаровательной, и что такая красавица может быть такой больной, лишённой дара речи и отгороженной от общества. Не знал, что есть такое явление, как *больная красота*. Дело заключалось не в красоте самой по себе, и не в болезни самой по себе, а в их сочетании, которое пронзило существо Никиты. Это образ самой жизни – больной, неправильной, но всё же прекрасной, которую Никита любил и которую хотел исправлять. Понятия «жизнь общества» и «судьба человечества» перестали быть абстрактными – они воплотились в Маше, в её *больной красоте*. И ничего Никита не изменит в жизни общества, пока не изменит чего-то в Маше. Пока не войдёт в её жизнь, в жизни общества, да и в своей собственной будет никчём.

В своём оглушенном состоянии, Никита в школе стоял у окна. Его главный в последнее время собеседник, от которого он перенимал идеи, Костя, никак не мог этого не заметить.

– Слышь, Никитос! Чего с тобой вообще, чего ты такой контуженый-то?

– Да так, Кость... Пока не могу сказать, потому что сам не знаю, – Никита повернулся к нему, чуть выпучив глаза.

– На тебя так кто-то подействовал?

– Да! Ещё как! – неожиданно для самого себя воскликнул Никита, и пришлось договаривать. – Соседка.

– О-оу! Дак это ты...

– Нет, не влюбился, я потом скажу. Я помню, Костян, о чём мы с тобой говорили, я не отхожу от наших идей анархизма и мирового гражданства, но... Давай договоримся, мы

остаёмся друзьями, но я всё скажу потом, по той простой причине, что сам пока ничего не пойму! Идёт?

– Ну о'кей! Хотя заинтригован я, конечно, сверх меры.

И ждал, и верил Никита, что когда-нибудь снова будет приглашён к Маше. Верил, несмотря на подозрительное отношение её мамы.

Ирину Юрьевну же настораживало в парне ещё и его сходство кое с кем. Значительную роль в болезни Маши сыграло то, что она в три с половиной года лишилась отца – его зарезали в пьяной драке. После этого девочка, бойко лопотавшая уже в полтора года, стала говорить всё меньше, пока вовсе не перестала... Так вот, этот её покойный отец так же, как и этот Никита, обладал каким-то неистовством, что-то всем втолковывал, метался. Сначала Ирине Юрьевне нравилась в будущем муже эта энергичность, она принимала её за полноту выражения чувств и ответственность. Но потом уже мужа стало заносить в сомнительные компании, которые он будто перевоспитывать пытался. И угодил он в одну компанию, подчинявшуюся зелёному змию... В итоге Ирина Юрьевна овдовела в двадцать пять лет и стала в одиночестве растить аутичную дочь. Маша уже не помнила отца, да и напоминать ей было, возможно, опасно.

Тот мир, в котором в основном жила Маша, походил на реальность в самом хорошем. В нём похожие города, деревни, природа, но только не люди. Там все знают Машу, и она знает всех. Там все рассказывают захватывающие истории, а Маша удивляла всех своими неожиданно открывающимися способностями. Словом, там жить радостно. А печально одно: что там – это не здесь.

Все чувства у всех надолго застыли. У Никиты оставалась всё такое же смиренное, не свойственное его натуре, ожидание нового приглашения, у его родителей и сестры – скрытое удивление его перемене со смутными догадками. С этими застывшими чувствами все прожили ещё полгода с лишним. Что до Маши – в ней просто ничего и не менялось после того единственного Никитино посещения.

Но особенный день всё-таки наступил. Что особенного могло произойти в жизни Маши? В реальной жизни – практически ничего, она мало жила этой жизнью. Наступила просто абстрактная отметка лет – день рождения.

Её мама думала: как бы всё-таки сделать так, чтобы день этот не означал просто абстрактного отрезка времени? Кого бы пригласить? Родственников? Да ладно, это пока ещё не совершеннолетие, семнадцать лет, год можно подождать. Да и деловые они все – поздравят Машу по телефону, и будет с них. Поднесёт Ирина Юрьевна трубку дочери, и прозвучат самые дежурные пожелания, которые всё равно не сбудутся. Думая об этом, Ирина Юрьевна как мать издала тяжёлый вздох и слегка прослезилась. Хоть что-нибудь сделать бы, чтобы Маше этот день запомнился, и не такой враждебной показалась вдруг реальность!

«Соседей, что ли, пригласить? Вот эти Марковы, вроде, семья достойная в целом. Только опять Никитка этот настораживает. А может, и он окажется ничего, может я на него зря взъелась?», – в этот момент Ирина Юрьевна даже удивилась самой себе. Но, в конце концов, всё это – и настороженность, и её отмена – ради дочери, любимой до умопомрачения. Именно с ней Ирина Юрьевна и решила в конечном итоге посоветоваться. Мама являлась единственным на свете человеком, который мог беседовать с Машей, не слыша её слов.

– Машуль! А ты помнишь, что скоро у тебя день рождения?

Девушка сквозь вздох спокойно промычала, что означало: «Да, но что с того?»

– Хочешь, приглашу кого-нибудь чай с нами попить?

Тянущееся вопросительное мычание: «А кого именно?»

– Ну, Марковых...

Двухтактное вопросительное мычание – желание уточнить дальше.

– А чтобы мальчик их пришёл – Никита, хочешь?

Короткий и звонкий возглас – однозначное «да».

– Он тебе запомнился?

Двухтактный звук: сначала задумчиво, затем – слабое утверждение. В целом это значило: «Чуть-чуть запомнился».

– А то может лучше бабу Зину?

Последовало такое долгое недовольное мычание, которое бы понял любой непосвящённый.

Таким образом, решение было принято.

В дверь квартиры Марковых позвонили.

– Здравствуй, Свет! Я хотела сказать, что... – прозвучал вздох, – у Машеньки моей день рождения завтра.

– Чудесно!

– Предлагаю всем вам вечером, часов в семь, посидеть у нас, чай попить со сладостями.

А то скучновато нам...

– Ой, благодарю, Ир, очень я тронута. Я-то приду обязательно. Только вот Саша не сможет – он рейс взял далёкий. У Алёны возраст сложный начался, много своих заморочек, не знаю. А Никита... скорее всего придёт!

– Ну хорошо, дай-то Бог! Договорились, значит! В семь!

По поводу Никиты Ирина Юрьевна решила действовать на опережение – чтобы он вдруг не начал за столом сам по себе толкать свои идеи или что-то неожиданное делать, что на Маше может плохо сказаться – самой начать его расспрашивать об этих идеях, откуда он их взял и прочее.

Когда же о приглашении узнал Никита, у него снова подкосились ноги, и стало прерывистым дыхание. Он не смог уже сдерживать эмоции.

– Как? Неужели? Как такое возможно? – произносил он встревоженным и радостным шёпотом, оседая в кресло.

– Ты так взволнован?

– Да, мам, взволнован.

– Я давно уже заметила, ты весь переменялся после того, как однажды побывал у них. Это не из-за девочки той, Маши?

– Да, именно! Она же ещё и не говорит, а меня из-за этого к ней и тянет.

– Я давно уже заметила, Никитушка, что тебя тянет к тем, кому плохо в чём-то. С детства замечала, какой ты сострадательный у меня мальчик.

Парень на это только повздыхал.

3. Визит номер два и его последствия

Настало семь вечера, и Никита вступил в священное место, хотя сам он не использовал таких понятий. Место, где началось и должно продолжиться его преображение.

Ирина Юрьевна выглядела цветущей, неожиданно помолодевшей, особенно выделилась голубизна её небольших, обычно прищуренных глаз, широкое лицо покрылось румянцем, совсем молодо распустились русые волосы. И на Никиту она смотрела неожиданно приветливо.

Но при этом не она была виновницей торжества, а её дочка Маша. А Маше становится ещё красивее просто некуда. В сравнении с обычным выражением ослепительного лица разве только слегка заметная улыбка разглядывалась. И Никита разглядел и обомлел до конца.

Началось всё с торжественного момента поздравления Маши, мама Никиты, помимо прочего, пожелала выздоравливать.

– Полностью присоединяюсь! – добавил Никита. Алёна ограничилось кивком.

Девушку поцеловали сначала её мама, затем Светлана Михайловна.

На столе стояла запечённая картошка, салаты, тонко нарезанные рыба и колбаса, селёдка под шубой, домашняя выпечка. Сладостей на столе действительно хватало: и разноцветный зефир, и пастила, и дольки в сахаре, и вафельный торт, несчётное множество сортов конфет.

А вот что на столе отсутствовало – это какой-либо намёк на алкоголь. Хозяйка считала его жидкой формой абсолютного зла. Мало того, что дочь болела, так ещё и из-за него она лишилась мужа.

Маша смотрела в одну точку какого-то иного пространства. Никита же тоже лишь изредка на неё посматривал. Ирину Юрьевну практически невозможно стало воспринимать как Машину мать, если только старшей сестрой.

– Ну, как Маше наш приход? Выразит какую-нибудь реакцию? – подал вдруг голос парень.

– Ну а сам-то ты, Никит, что скажешь? – перевела всё внимание на него Ирина Юрьевна.

– Да не знаю, я тут, оказывается, за этим столом единственный мужчина.

Матери рассмеялись. По-настоящему весело – Светлана Михайловна, а Ирина Юрьевна чуть более заинтригованно и настороженно.

Нужный Ирине Юрьевне разговор начался, когда дошли до чая.

– Интересно бы, Никит, узнать побольше о твоих... идеях политических, которых ты придерживаешься, – во время первого бокала чая объявила она.

– А-а... Ну да. Идеи мировой анархии, единства людей на Земле без государственной власти и власти капитала, безо всякого насилия и принуждения. Идеи не совсем мои, ну, в том смысле, что они мне по душе пришлись – да, мои. А так они ещё в позапрошлом столетии активно провозглашались. Я их воспринимал непосредственно от товарища своего, одноклассника, Кости Савина.

– Ну ладно, Никит, мы пока ещё к чаю только приступили, потом продолжим.

После первой чашки Ирина Юрьевна продолжила узнавать:

– Значит, Никит, государств не должно быть?

– В конечном итоге – да. Ещё Толстой говорил, что государство – это идол, а патриотизм – суетное чувство, ничего от него хорошего, одна только рознь между народами земли.

– И что же, Толстой для тебя высший авторитет? Великий, конечно, писатель, но некоторые мысли у него я нахожу спорными.

– Я тоже не скажу, что у него всё бесспорно, но это вот мне в душу запало.

– Извини, что это? Про патриотизм?

– Да, он мешает подлинному единению людей, разделяет их границами государств, наций и рознь между ними сеет. В конечном итоге – войны.

– ... Та-а-к... – Ирина Юрьевна призадумалась. – Но изначально патриотизм – это любовь к родине. Может, и семью свою тогда не надо любить, это тоже ведёт к вражде с другими семьями? Или природу родной страны любить не надо?

– Почему, природа – вещь неплохая. Для здоровья полезна, нервов. Но я предпочитаю всё-таки прогресс.

– Как это? Машины тебе нравятся больше природы?

– Нет, дело не в одних машинах и устройствах, прогресс бывает и в человеческих отношениях.

– А это как понять?

– Ну, более они открытыми делаются, свободными.

– Ой, Никит, ты к какой-то вседозволенности клонишь?

– Да нет, Ирина Юрьевна, – ощутил парень наступление. – Просто между людьми много всяких условностей, недомолвок, неискренности. Денежный интерес сейчас над всем преобладает и прочее. Я сам ещё не очень разобрался, но пока вот это могу сказать.

– Хорошо, к этому мы ещё вернёмся.

Тут Маша, на которую Никита специально взглядывал пореже, издала, наконец, своё нежное мычание.

– Что такое? Скучно Маше это слушать?

– Да нет, ей, наоборот, интересно, но только сложно.

– А я и сам ещё не так всё понимаю, – усмехнулся Никита. – Я говорю всё поверхностно.

– И давай вернёмся, Никит, к вопросу, нужно ли свою семью любить, или, как и родину, не нужно? Ведь патриотизм – это любовь к родине, любовь – главное слово. А ты про какую-то рознь, войны.

– Главное, мне не нравится государственная власть: всякие выступления под флагами, наращивание вооружений – вот этого всего мне точно не нужно.

– И историю страны изучать не нужно?

– Почему? Нужно.

– Историю традиций, обычаев, культуры?

– Полезно всё это, развивает ум, если только культ из всего этого не делать! А то может и национализм возникнуть из древних одежд. Ни у кого, мол, таких традиций не найти.

– Понятно на данный момент.

Ирина Юрьевна переменяла собеседника.

– Что, Свет, не устала ещё сидеть?

Светлана Михайловна сказала, что нет.

– Ну посиди ещё. Мне просто с Никитой захотелось как-то наедине пообщаться.

Произошёл ещё один заход чаепития. Кое-кто сидеть действительно устал – Алёна Маркова. Она тихо попросила маму пойти с ней домой, чтобы помочь с уроками. Но перед этим девочка умоляюще посмотрела на Никиту, который снисходительно кивнул, и только потом обратилась к матери.

И Светлана Михайловна с Алёной под знаки соседке собралась домой.

– Ладно, пойдём мы с Алёной, уроки у неё ещё остались. Скажу только напоследок, что сегодня ты, Ир, почти сравнялась по красоте с дочкой, насколько это вообще возможно.

– Да я и не собиралась сравниваться! Просто постаралась не выглядеть слишком незаметной на фоне такой жар-птицы!

Светлана Михайловна, смеясь, удалилась. А Никита теперь посмотрел на Машу подольше. Она чуть повернулась в его сторону. Совсем чуть-чуть, так, что заметить мог только тот, кто в этом нуждался.

Дома двенадцатилетняя Алёна сказала маме:

– Да-а! Вот это Маша «с «Уралмаша»! Я увидела её и поняла всё, что с Никиткой происходит. Повезло ему! Или, наоборот, влип не в ту.

– Алёна, давай надеяться на лучшее!

Тем временем Ирина Юрьевна хотела уже подойти к теме Бога, но это могло не так подействовать на Машу, встревожить тем, что у её мамы появился оппонент. И она нашла выход.

– Ладно, Никит, давай пройдемся по квартире, а то что всё сидеть?

– А Маша?

– Ничего, одна посидит.

– Именинницу одну оставим?

– Ей так лучше будет, я её знаю.

Из-за стола встал этот «единственный мужчина», сосед и одноклассник Маши и анархист, всё в одном флаконе. Выходя из кухни, Никита ещё раз задержал на Маше взгляд, в надежде, что она приподнимет на него свой взгляд или голову. Её подбородок приподнялся на какой-то миллиметр, но парень заметил это в своём трепете ожидания.

Ирина Юрьевна привела его в большую комнату, где, сев на диван, продолжила расспрос:
– Я продолжу узнавать, очень ты меня заинтриговал. А вообще что-нибудь родное, вот, скажем, двор, где ты маленький играл, вызывает какие-нибудь тёплые чувства?

– Вызывает... Да, я выделяю это особое место, но с государством его никак не связываю, помещаю свой двор на планету Земля.

– Ни в Москву, ни в Россию...

– Нет, в первую очередь – на планету Земля. Остальное – так, географические уточнения.

– А высшего существа над миром ты не признаёшь?

– Бога, что ли?... Если честно, человека предпочитаю высшим существом считать, который сам до всего дойдёт со временем, путём познания.

– И до бессмертия?

Тут Никита задумался.

– Может быть... Я смутно что-то слышал про разработки по... крионике.

Последовало ещё несколько мелких вопросов. И так за чаепитием и разговорами прошло уже больше часа.

– Ну, в общем и целом, Никита, я тебя поняла. Разделить твои взгляды не могу, но хотя бы поняла. Интересный ты, конечно, человек. Пойдём теперь вернёмся на кухню, к новорожденной нашей.

Теперь все сидели за столом в удивительном молчании. За окном совсем стемнело. На столе всё ещё оставался чай да разложенные к нему сладости. Мама Машы вышла из-за стола.

Никита остался с Машей наедине и не мог этому поверить. Его сердце вспорхнуло, и он ощущал его биение где-то в гортани. Ему стал не нужен чай, и он перелил его из своей чашки в опустевшую чашку Ирины Юрьевны, затем быстро, немного даже судорожно, вытер салфеткой обронённые капли. Зачем он это сделал – сам не понял.

– Маша! – секунд шесть он ждал, чтобы она хоть шевельнулась. – Ма-ша! А, Маша? Что ты, совсем ничего говорить не можешь, ни слова?

Девушка разве что только раскрыла пошире свои светло-карие глаза. Других изменений в её позе и взгляде не наблюдалось.

– Ни единого слова не можешь сказать мне? Как тебе чаепитие, например?... Что же с тобой случилось? – глубоко вздохнул Никита. – Ты в каком-то своём мире, да? А что там происходит, не расскажешь мне? Мне правда интересно!

И тут Никита дошёл до того, что, посмотрев в дверь для предосторожности, погладил Маше руку.

– А меня тыпустишь в свой мир? Я там сразу стану героем! Если не в этом, то в твоём мире мы будем вместе. Если ты только разрешишь мне войти в твой мир... Так и не скажешь ничего, Маш? А я вот хочу сказать тебе. Я... я... Ну почему ты молчишь и не шевелишься? Я же... Я ж люблю тебя, Маш!

Девушка не испугалась, не вздрогнула. Она неизменно смотрела перед собой, чуть в сторону и вниз, в неопределённую точку иного пространства с некоторым удивлением.

– Не посмотришь на меня?

Никита отвернулся и, не в силах продолжить разговор, закрыл лицо руками и стал чуть вздрагивать. Маша сидела всё так же.

Тут вернулась её мать.

– Никит, ты чего это? – изумлённо спросила она.

Вместо ответа парень резко встал, не показывая глаз. Затем проговорил напряжённым, громким и быстрым шёпотом:

– Да так, Ирина Юрьевна, чешутся глаза чего-то, от недосыпания, наверное. Спасибо за всё, позвольте я пойду, всего доброго! – одновременно он тщательно вытирал слёзы. Он вышел из квартиры, не повернувшись.

Долго размышлять над его поведением Ирине Юрьевне не пришлось. Её ждало настоящее чудо. Маша повернулась к двери, куда вышел Никита. Затем произошло ещё кое-что.

– А к-кто это был? – впервые за много лет раздались невнятные, натянутые слова Маши. Мама, конечно, не могла ей ничего ответить, оторопев. Онемела теперь она.

– Что-о?! Ещё раз скажи... ну-ка...

– Это что сейчас за мальчик был, вышел туда?

– Господи! Машенька! Доченька! Слава тебе, Боже, за чудо! – Ирина Юрьевна перекрестилась. – Да неужели?! Ой! – она бросилась со слезами обнимать и целовать дочь и, уткнувшись в её плечи, сотрясалась в рыданиях.

Маша пока помолчала, посмотрела по сторонам. Когда мама снова начала целовать её в щёки, снова осторожно спросила:

– А кто это был? – слова потекли уже свободней.

– Да какая разница, кто был, когда ты у меня заговорила, доченька, свет ты мой ясный!

– Мальчик этот, как его зовут? – медленно проговаривала Маша.

Но мать никак не могла вникнуть в содержание вопроса, настолько её потряс просто факт вопроса, то, что дочь произнесла какие-то слова. Но у Маши, наконец, взялась и некоторая настойчивость:

– Ну мам, не скажешь?

– Ой, что тебе сказать, бесценный ты мой человечек?

– Что за мальчик, как зовут его?

– Ой, да на что он тебе дался, этот мальчик? – не могла Ирина Юрьевна уловить связь между событиями.

– Я от него что-то почувствовала. Он, кажется, меня любит.

– Ой, Машенька! Это мама тебя любит так, что умереть за тебя готова каждую минуту.

– Я стала чётче всё видеть... – продолжала девушка под экзотические восклицания матери, – я там всё ходила-ходила по городу какому-то, в приюты заходила, в магазины. Снегу много... И вдруг зашла – и лесная солнечная поляна. Со мной лес стал разговаривать, поляна стала разговаривать, все цветы на ней, как одно...

– Что-что? – вытирая слёзы, стала, наконец, прислушиваться мама.

– Отовсюду голос, говорящий, что он рядом, не только там, но и здесь. Источник света на поляне – здесь. И вдруг я стала видеть, что здесь – этот стол, микроволновку, раковину, но ещё в лучах того света. Он на этом мальчишке собрался. А это всё дрожало в лучах. На самого его я не смотрела, боялась ослепнуть. А он вдруг ушёл, и я всё чётко увидела, и дверь, куда он вышел. И спросила о нём...

– Ой, доченька, что-то не пойму я одного. Почему тебе вдруг кажется, что этот свет не от мамы твоей родной исходит, а от какого-то мальчишки?

– Ты, мам, тоже для меня была солнцем, но обычным, которое везде светит – и в городе, и в школе. А он оказался не просто солнцем, а этой чудной, многоцветной лесной поляной под этим солнцем. Он сказал, что меня любит. Ты говоришь это постоянно, каждый день, а он – впервые. Он – что-то новое. Ну так как его зовут?

– Не пойму, что происходит на этом свете. Какой-то мальчишка, сорванец вообще, смог сделать то, чего не смогла сделать родная мать?

– Ты мам, светила мне там и грела меня. А он что-то ещё, новое добавил, что меня сюда вернуло. Я такую радость и тепло почувствовала! Но ответить этой поляне не могла, пока сюда не вернулась.

«А может он её вообще вздумал лапать?» – возникла мысль у Ирины Юрьевны.

– А где ты тепло чувствовала, в каком месте?

– В сердце, мам, в сердце.

Мама продолжала вздыхать.

– А зовут его как? – неустанно спрашивала дочь.
– Зовут его Никита.
– Как, Никита?
– Да. Но только я не верю, что всё это сделал он. Он же сорванец какой, по словам его же матери. Такой маленький, забежал не пойми куда, газовый баллон открутил, сам чуть не умер и другие дети. И теперь думает не пойми о чём, о революции какой-то! Мало наша страна перенесла революций!

– И что, не скажешь ему?
– Вообще всем им скажу, Марковым. Ну, и ему в том числе. Но отдельного разговора он пока не заслужил, по-моему.

Ирина Юрьевна действительно пришла к Марковым. Снова в слезах радости.

– Что такое, Ир? – спросила встревоженная мама Никиты.
– Чудо, Света, чудо из чудес! Такое чудо, за которое Господа надо благодарить день и ночь!

– Ну так что?

– Моя доченька, Маша... заговорила!

Никита моментально сорвался с места за рабочим столом и выбежал в прихожую.

– Как вы сказали?

– Маша моя заговорила!

– Да... Вы что?..

И тут Никита заплакал уже безо всякого стеснения. Ирина Юрьевна слегка удивилась.

– Я тоже, Ир, безумно рада за тебя. И Никита, видишь, какой у нас сочувствующий.

– Вижу! – задумчиво ответила Ирина Юрьевна.

Никита заломил перед ней руки:

– Ирина Юрьевна, умоляю, позвольте мне помогать вашей дочери по учёбе! С чем у неё проблемы, с химией? А химию как раз знаю! И физику, геометрию. С гуманитарными только похуже чуть-чуть. Позвольте?

– Посмотрим. Великодушно, конечно, Никита, с твоей стороны. Но я ещё с самой Машей должна обсудить твоё предложение.

– Ах, обсудите же скорее, пожалуйста! А сейчас можно к ней на минуточку?!

– Нет! Имей терпение! – уже строго сказала она Никите.

Вернувшись домой, женщина рассуждала: «Ну что, позволить ему? Ладно, пускай, но только под моим присмотром. А то мало что ему вздумается с ней сделать, охламону малолетнему. Правда, он заплакал, как узнал, но этим лишь чуть-чуть исправил моё мнение о нём. И дочь моя в телесном отношении как раз, как назло, развита не по годам. Я в её годы совершенно не так была сложена».

Впоследствии так и стало происходить – Никита стал помогать Маше учиться, но под строгим надзором Машиной матери. Ирина Юрьевна вначале раздумывала, и в церкви советовалась с батюшкой после исповеди, и в итоге дала соседскому парню добро. О его упоении говорить излишне.

И весь последний год школы Никита помогал тщательно, не отвлекался на посторонние темы, и все разговоры с Машей оказались абсолютно целомудренны. Химию он растолковывал как настоящий преподаватель, рассказывал про уроки в классе и про «лабы». И вообще Ирина Юрьевна стала находить в нём немало достоинств. В первую очередь, редко кто из школьников был так умён во времена, казалось бы, тотального торжества слабоумия. Только лишь явное безбожие парня не нравилось Ирине Юрьевне. Но в разговоре лично с ней он всё-таки резко не отрицал Творца, выразил атеизм деликатно – и то уже успокаивало. Свои анархические и космополитические воззрения он облекал в весьма интеллектуальную форму.

Итогом последнего года школы стал однозначный выбор Машей того вуза, что и у Никиты – химико-технологического института. Никита даже уговаривал устроить Машу на очное отделение. Ирина Юрьевна возражала из-за неординарной внешности дочери и её чрезмерной замкнутости. Но Никита и тут обещал взять Машу под некое покровительство. Её мама понимала, куда идёт дело, но радоваться всё равно не спешила, опасаясь неприятного поворота. Она так и не могла поверить, что к Маше вернулась речь посредством обращения к ней Никиты. Гораздо больше в женщину вьелась история из детства Никиты. «Безбожник не может творить чудеса, – твердила она внутри себя. – Это Господь сотворил чудо. Но сотворил, получается, посредством безбожника? Пути Господни неисповедимы...» – на последней мысли Ирина Юрьевна и успокаивалась.

Она решила как мать поговорить по этому поводу с другой матерью, придя к Светлане Михайловне:

– Как ты думаешь, а может ли он переменить своё отношение к Маше? А то последствия могут быть такими, что и предположить страшно... Бывает вон, из окна... О, Господи...

– Не такой мой Никитушка, – нежным голосом сообщила Светлана Михайловна. – Он человек исключительной сочувственности, как ты сама видела.

– Видеть-то я видела...

– Но неужели он мог притворно так расплакаться? До сих пор не веришь?

– Верю... Но всё та история с баллоном.

– Да, вот это вьелось в тебя! Я могу тебе другие истории рассказать из его детства. А этот анархизм у него порождён тоже тягой к справедливости, у него такой особый взгляд, угол зрения на справедливость и человечность.

– Ну спасибо, Света, что веру вселяешь.

– А вот ещё, Ир, вопрос. Маша сама говорила про то, что к Никите чувствует?

– Она говорила, что любит... – Светлана Михайловна чуть не всплеснула руками, – химиию. Полюбила благодаря Никите. До него у неё ж одни тройки вообще были. А как Никита стал помогать – пятёрки! И в аттестате – четыре. Не пять, потому что уж поздно Никита подключился.

– Ну так вот! Это Маша так завуалированно говорит. Если полюбила химию и пошла в этот институт благодаря ему – отсюда явный вывод, что она любит его. Ну, расположена к нему, как минимум.

– Ладно, спасибо за такие разговоры.

Ещё одним человеком, посвящённым в происходящее, стал отец Никиты, вернувшийся из командировки под Челябинском. Александр Константинович стал несказанно, по-детски рад и горд сыном.

– Эх, сынуля! Я не предполагал, какой ты у меня будешь молодец!! Ты ж просто герой, джентльмен и... как его... рыцарь! Само благородство!

– Ладно, пап, не перехваливай так уж! – смущённо отвечал Никита.

– Да я даже в сказках про таких не читал. Ты помог прекрасной девушке выздороветь, заговорить! Теперь ещё учиться ей помогаешь! Извини, но я ещё раз скажу: какой же ты молодец, Никитка! Не могло быть для меня лучшего подарка по прибытии из рейсов, чем узнать, что у меня такой сын!

– Ты, Саш, сейчас захлебнёшься от восторга! Остановись, отдышись! – сыронизировала Светлана Михайловна. Она, как ни странно, не так проявляла эмоции, как мужчины в семье Марковых.

Вот так застывшие эмоции пришли в движение, в бурление. Заговорили и две матери, и отец с сыном.

– Смотри только, сын, хоть наружность у Маши и ослепительная, но помни ещё и о душе, так сказать. Доверие её береги обострённое, – уже серьёзно говорил отец.

– Да-да, я так и собираюсь.

Вступительный экзамен абитуриентка Мария Обходчикова сдала успешно. А ведь когда-то для неё реакции ионного обмена были ночным кошмаром! Всего один человек так переменил её жизнь – абитуриент того же вуза, будущий однокурсник Никита Марков. Сам-то он сдал экзамен вообще безупречно, никакие дополнительные вопросы не вызвали у него ни одной запинки. Давалась диву вся приёмная комиссия.

Институт, кстати, находился вовсе не рядом с домом. Первые два месяца учёбы Машу в метро сопровождали мама и Никита. Возвращаясь втроём, они доезжали в лифте до своего одиннадцатого этажа сине-белой многоэтажки и расходились по квартирам.

Несмотря ни на что, у Ирины Юрьевны сохранялись опасения в отношении Никиты. Она сама иногда думала, что это что-то навязчивое, беседовала всё с теми же – Машиным врачом, священником, психологом. Со Светланой Михайловной, наконец. Та ей рассказывала про Никиту истории другого свойства, чем история с пресловутым баллоном.

– Я понимаю, Ира, ты пережила шокирующие ситуации. Мужа вон убили. Вначале ничего не предвещало. Оттого такая тревожность в отношении Никиты. А я за него, как за себя говорю: для него защищать слабых и больных – смысл жизни. Иногда он просто в этом слишком яростен бывает. Такая «ярость благородная», как в известной песне.

– Ты как психолог говоришь, Света, тебе бы им работать.

– Ну, должность медсестры имеет что-то общее.

И так, постепенно, сквозь вздохи, беседы и молитвы, Ирина Юрьевна привыкла к тому, что её дочь ездит на метро в другую часть города вместе со своим другом – соседом и однокурсником.

В институте Маша предстала, конечно, молчаливой и одевалась более чем скромно. Но всё равно не могла остаться незамеченной. Мало того, что лицом была хорошенькая, так ещё и такую фигуру не могли полностью скрыть никакая просторная одежда. Институтский народ, надо отдать ему должное, оказался всё-таки сдержан, прилипаний к девушке не возникало. Но уж про себя-то все её отмечали. Даже седовласые профессора покашливали от неожиданности и забывали, о чём говорили и думали.

Наконец, к Маше подошли, но Никита мог не волноваться – подошли другие девушки.

– Привет! – запросто начали они разговор.

– Привет! – ответила Маша.

– А чего ты такая молчаливая-то?

– Ну... Какая есть... Нравится так.

– Интересная ты!

– Маш, – включилась другая девушка, – с такими... – она поперхнулась, – внешними данными, – подруги рассмеялись, – и такая зашуганная. Что-то не очень ясно.

Далее последовали вопросы о том, одевается ли Маша в модные наряды, ходит ли в модные магазины.

– Я не знаю, зачем это надо. Во что одеваюсь, меня устраивает, – пояснила девушка, через год после немоты.

– Да... не знаю, чего сказать... слышала про такие явления, но чтобы так, вживую встречать!.. Ты не из деревни какой?

– Нет, из Москвы. Просто... так жизнь моя прошла... А деревню я люблю, правда.

Девушки не знали, что ещё спросить, были ошарашены.

Все происходившее в институте Маша рассказывала матери во всех подробностях. Ирина Юрьевна всё узнавала так, будто сама присутствовала на всех занятиях – лекциях и семинарах. Врач так и говорил про аутистов, что они либо молчат, либо говорят очень хорошо – подробно, красочно, умно строят фразы. Маша молчала с четырёх до ровно семнадцати лет, до дня рож-

дения. Но хоть она и заговорила, аутисткой всё равно осталась, ибо сохранялись особенности поведения.

Ещё один выпускник той школы и того класса – Костя Савин, с поступлением в вуз медлил. Он выбрал тот же – некуда, мол, деваться – но пока пошёл на подготовительное отделение. Поступил он на год позже Никиты и Маши. Зато он встречался в своём идейном кружке с более зрелыми представителями движения анархистов. В телефонном разговоре Костя приглашал в кружок и Никиту.

– Ох, и далеко ж ты запёрся в этот институт химический. А я уж за тобой последовал. Просто ты любишь химию, а я – поваренную книгу анархиста.

Последовал смех обоих.

– Тебе там, поди, предсказали, что вторым Менделеевым станешь?

– Так не говорили, но высоко оценили мои способности. А Менделеев этот... У него взгляды были ужасные – монархист да националист. Меня вообще от него воротило бы, если бы не гигантский вклад в научное знание. Он ещё входил в ублюдочную «Чёрную сотню», фашистскую организацию, которая предшествовала немецкой, гитлеровской. Может, официально и не входил, но взгляды их во многом разделял. Вообще, наверное, правильно многие говорят, что сначала фашизм был русским. Пусть он был менее кровавым, но был первоисточком, был тупым и лапотным.

– Да-да, Никитос! И по всему видно, что фашизм у нас возрождается. Точнее, не у нас. «У нас» – это значит на земном шаре, а не в рашке. Вот в рашке он возрождается. Перед последними выборами этот Шагов вообще как обкуренный забурел – вопил что-то про генетический код и «народ-победитель». Чуть я не блеванул! До того фюрера ему всего ничего осталось.

Последовали непечатные характеристики президента.

– Разве что только «хайль Шагов» никто не орал на том стадионе, – продолжал Костя. – Все, кто якобы наблюдает за правами человека из-за океана, на самом деле его же они в эту страну и поставили. Как и предыдущего фюрерочка. Что по ту, что по эту сторону океана – все ставленники мирового капитала. Отсюда и отвлечение простого народа от классовой борьбы на всякое мифическое единство нации. Сначала просто отвлечь народ Земли – он единый – а потом и войны разжечь ради новой прибыли. Вот сколько всего мировой капитал добывается через своих ставленников, через этих чмырей обкуренных, навроде Шагова! Что Кремль, что Пентагон – всё одна рейхсканцелярия!.. Ну, в общем как, Никитос, идёшь на беседу в кружок этого Рагулина? Ему лет тридцать пять где-то, старый уже мужик и разбирающийся в наших вопросах глубоко.

– Ну, постараюсь. С домашними проблем нет, о взглядах моих они знают, ничего страшного в них не находят. Скажу, что в кружок политологии схожу. Вообще, мне иногда мои родители кажутся золотыми. При наступлении мировой анархии все такими станут!

– Рад за тебя.

– А где ты, Костян, узнал про этого... Рогова, или как его?

– Рагулина! «Как узнал?». Не уважаешь ты технический прогресс, забываешь о нём! В контакте я его нашёл, в сообществах. В объявлении сказано: развитие и шлифовка идей анархизма.

– Ну ладно, скажи только точное место и время.

В итоге друзья договорились.

Зал собраний анархистов оказался довольно пустой. В нём не найти было ни люстры, ни ковров, все стены почти голые. Выделялся только стол, за которым сидел начальник собраний Рагулин, а на стене были прикреплены два стяга – вот самое заметное в этом зале – знамёна анархии. Первое – чёрное с красной буквой «А» в круге – эмблема анархизма. Буква начер-

тана неровными, зазубренными линиями, за окружность выходили её перекладина и «лапы». Второе полотнище разделено по диагонали на два цвета – красный и чёрный. Если говорить точнее, так выглядело знамя анархо-коммунизма.

Рагулин был не слишком уже молодой человек, с высокой зачёсанной назад шевелюрой, острым подбородком и крупными сверкающими глазами. Собравшиеся сели на довольно старые стулья, с тонкой подкладкой и тремя тоненькими вертикальными дощечками на спинках. Паркет дико скрипел, и вообще в зале пахло клеем и чуть ли не плесенью. Словом, солидным такое помещение никак не назовёшь. Это понимал и сам Рагулин, об этом он и начал свою речь:

– Прошу меня извинить, друзья мои, за такое ещё не оборудованное помещение, только начал им заниматься. Для меня идеи наши впереди всего. А потом будут и люстра, и ламинат, шкафы и портреты, – собрание понемногу сосредотачивалось. – Мы начнём с того, что наши идеи надо сделать более чёткими, менее абстрактными, более связанными с жизнью, которой мы живём. Мы определим, что для анархиста является конкретной программой действий, а что – чем-то отвлекающим, фантомом. Одним из главных фантомов для нас является понятие «родина». Родина – это то, чем одни люди обособляются от других, живущих на той же планете и имеющих тот же биологический вид *homo sapiens*. Если нам считать что-то родиной, то только нашу планету Земля. Никто, связывающий себя с отдельным государством или нацией – нам не соратник и не друг. Одни живут за счёт других, и это не замечается, потому что те и другие принадлежат к одной нации, одному государству. Вот от чего отвлекает понятие «родина». Так что вслед за великим Сократом, провозгласившим: «Я не афинянин и не грек, но гражданин мира» – мы также не должны называться русскими, татарами, армянами, а гражданами мира. А русскими пусть себя называют любители лаптей, ушанок и поклонники Шагова.

Никита Марков и Костя Савин, в основном, соглашались с услышанным. Но раздавались сбоку комментарии, идущие вразрез с речью оратора: «Обезличиться надо народам, от национальных культур отказаться. Как примитивен человеческий род станет!»

– Одно препятствие мировой гармонии мы выяснили – патриотизм. Он отвлекает от классовой борьбы, заслоняет происходящее на планете занавесами государственных границ и наций.

Снова сбоку тихо раздалось:

– Как будто мы не знаем, что происходит в других странах.

Рагулин завершал расправу над патриотизмом:

– Первое, из чего мы должны исходить – наше мировое гражданство, вселенское гражданство, нужное для построения вселенской гармонии.

И тут сидящий сбоку плотный белокурый парень высказался уже громко:

– Это не гармония будет, а безликость. Гармонию создаёт как раз многообразие, любовь к родине, какая у кого есть. Я с малых лет знаю это чувство – какое оно мирное, радостное и просто блаженное.

– Можно не перебивать?! – выскочил Костя.

– Анархия всё разрешает! А то что это – и здесь диктатура, нет свободы слова?

– Ты как попал сюда? Ты не наш!

– Вот уже и здесь разделение «наш – не наш». А ещё о какой-то гармонии говорят! Я может и пришёл-то с целью критики. Здесь есть вообще свобода слова?

– Есть! – ответил Рагулин. – Что вы ещё хотели возразить?

– Что весь ваш этот космополитизм – обёртка обыкновенного эгоизма. Сказки рассказываете, будто можно полюбить сразу всё человечество, минуя семью, непосредственно окружающих людей, народ и страну. Так можно только себя любить. Эгоисты вы все, вот кто! С вашим культом одинаковости вы отказываетесь от культурного многообразия планеты, вообще от мировой культуры, хотите сделать человечество более примитивным, ориентированным на потребление, а не созидание.

– Ты за олигархов?! – не унимался Костя.
– Нет, я за простой народ своей страны. Простой, но не обезличенный, не превращённый вами в потребляющую биомассу. И гомосятину вы разводите!
– Ах ты фашик! – сорвался с места Костя.
Его остановили, но не Рагулин. Его остановил Никита.
– Пусти, я убью его! – шипел сквозь зубы Костя.
– Да потому и не пушу, что убьёшь!
Костя отошёл, глядя в глаза Никите, отдышался и сел на стул.
– Что мы, нацики, что ли – убивать несогласных? Анархизм – гуманная идеология.
– А ведь вы правы, – прокомментировал Рагулин и узнал имя. – Никита, по-моему, лучше всех усвоил, что такое анархизм. Возможно, не хуже меня в нём разбирается.
Вновь Никита оказался на высоте – как в институте, так и в этом убогом собрании. Ничего он здесь нового не узнал, кроме того, каким психом может быть Костя.

Ирина Юрьевна ходила с дочерью в церковь каждое воскресное утро, за редкими исключениями. Временами она, уже без дочери, также ездила на кладбище, как говорила «к своему Володеньке» – это убитый муж. Там, стоя перед его могилой, она разговаривала с ним, как с живым, сообщала все подробности. И какой стала Маша, и как она заговорила, как ей Никита помогал учиться, а теперь из одноклассника стал однокурсником, что велика вероятность их серьёзных отношений, но она всё равно не может этому полноценно порадоваться. Даже у покойного она будто спрашивала совета...

– Эх, Володенька, вот связался ты не пойми с кем, и всё... В могилу лёг... И этот Никитка может тоже куда-то сунуться, в итоге ещё и Маша овдовееет, мало ей в жизни было горя! – Ирина Юрьевна всплакнула. – Я столько в этом парне твоего нахожу, темпераментный такой же. С идеями какими-то там, хоть бы развеялись они. Нет, чтоб жить просто, по Божьим установлениям.

Вот как звучали разговоры женщины с могилой мужа.

А вот Маша в это время оставалась в квартире одна. Это бывало и в период её немоты. Перед отправлением на кладбище мать тщательно спрашивала её, хорошо ли она себя чувствует, говорила, что едет помянуть всех родственников.

И в этот раз Маша чувствовала себя обычно: сидела за учебниками, потом ненадолго включала телевизор, радиоприёмник. Но добавилось кое-что ещё. В дверь позвонил Никита, зная, что она одна.

– Ты чего, Никит? – спросила девушка, заглянув в глазок.

– А что, без мамы боишься меня пускать?

Маша открыла.

– Не то чтобы... Но непривычно как-то... А что ты хотел?

– Ничего особенно, просто поговорить с тобой, о чём при маме было затруднительно.

– Ну заходи.

– На кухню давай пройдем, где ты снова начала говорить.

Они сели на те же самые стулья с железными спинками.

– В этом обществе инвалиды, в том числе ментальные, как ты, подвергаются дискриминации.

– С чего ты взял?

– Если бы не это, ты бы и с немотой запросто ходила бы в школу, а не только числилась в списке класса.

– Да я вроде сама не хотела.

– Но почему? Могла бы и хотеть, если бы к тебе там были расположены. Всё из-за твоей изолированности, так?

– В-общем-то да... – задумалась Маша.
– Там холод душевный, тюрьма какая-то. А здесь, с мамой – тепло, общение. Правильно?
– Правильно... – глубоко вздохнула Маша.
– Ещё облик твой прекрасный. Одиночество да такой облик привели бы в школе к тому, что тебя бы просто до-мо-гались! А я, хоть и тоже ослеп от твоей красоты – мужчина ж всё-таки, куда деваться? – но увидел и твоё состояние. Прозвучит нескромно, но когда твоя мама разрешила мне приходить к тебе, то только я смог вывести тебя из изоляции. Ты теперь студентка очного – слышишь? – *оч-но-го* отделения! А почему с тобой больше никто не смог этого сделать? Что у нас с тобой общего? Как думаешь?

– Сложные ты вопросы задаёшь!
– А ты, Машуль, попробуй не холодным умом ответь, а чувствами, что называется, сердцем.

– Ну... мы... дружим...
Никита нежно улыбнулся.
– Дружим. Но дружить-то стал я и больше никто? Действительно сложный вопрос, и на него я сам отвечу. Ты только вдохни поглубже.

Парень встал из-за стола и повернулся к девушке:
– Мы с тобой, Маша, *оба больны!* Понимаешь: оба! – Маша изумлённо застыла. – Я тоже на учёте в психдиспансере!

– Господи, быть не может!
– Может! Оба больны и изначально оба изолированы. Вопрос: кто нас изолировал? Кто нас поставил на учёт в диспансер? Разве сами мы попросились?

– Врачи.
– А врачи кому подчиняются?
– Начальству?
– А откуда у них взялось начальство, и кто придумал все эти медучреждения с очередями дикими, учётами и инстанциями?!

Маша пожала плечами:
– Государство, что ли?
– Вот!! – дико вскрикнул Никита и выставил палец. – Не верится, что сама дошла! Государство ставит больных на учёт и изолирует! Ни ты с твоим аутизмом, ни я с моими поисками справедливости не соответствуем стандартам государства. Некоторая разница всё же есть между нами. Я свою изоляцию прорвал. А потом и твою. Я больной, потому что меня назвали больным, посчитали таковым врачи, служащие государству.

– Но кто тогда будет лечить?
– Лечить надо человеческим отношением, а не на лекарства всё сваливать! Если бы врачи не служили государству, то считались бы просто людьми особой доброты, особо помогающими в болезнях. Ну а медикаменты были бы дополнением к этому, не главным, чем надо лечиться. Твоим врачом ведь оказался я, хоть нет на мне белого халата, и не назначал я тебе терапию. Но речь тебе вернул без всего этого! Ясно, что между нами общего?

– Да. Мы оба больны.
– После этого логичен вопрос. И логичен, и всё равно ошарашит. Задавать?
– Я уже догад... Задавай!

Никита снова присел, теперь уже напротив.
– Итак. Когда выяснено, что между нами общего, и что я сделал в твоей жизни, я спрашиваю... Я спрашиваю, Маша... – он чувствовал, что вопрос уже известен, – выйдешь ли ты за меня замуж?

На полминуты в квартире воцарилась гробовая тишина. Оба опустили глаза на клеёнчатую скатерть с изображением сочных фруктов. Молчание прервал нежный шёпот Маши:

– С мамой надо посоветоваться.

– Ну да, как всегда, – крикнул Никита. – Хотя, казалось, мы люди уже совершеннолетние... Но раз уж у тебя такая жизненная потребность выработалась, я устои нарушать не буду. Хотя, – он вдруг хлопнул ладонями по столу, – если бы вот от чистого сердца сказать, в точности как чувствую, без всех этих условностей, то я бы сказал: «А вообще, Маш, знаешь что? Не надо тебе за меня замуж! Да-да, счастье моё, жизнь моя, не надо! Мы и так будем друг друга любить, без этого явления, без брака, навязанного треклятым государством! И любить мы друг друга будем, и дети у нас будут, и мы будем надеяться, что они будут счастливее нас, не испытывая гнёта от этого поганого государства. Так что прости меня, Машенька, за этот идиотский вопрос о замужестве! Надо ж, даже мне мысль о браке навязалась!». Вот что я мог бы сказать, но не скажу. Я хоть и преобразователь мира, но не так буду взрывать устои. Не таким взрывным методом буду действовать, каким Костя, скорее всего, действовал бы. Сохраню устои, раз они так важны окружающим. Ради тебя, Машуль, чтобы тебя не шокировать, я сохраню пока эти устои, которые сам мечтал бы навсегда отменить.

Никита стал ходить по кухне и вдруг, неожиданно сам для себя, задержал взгляд на одном месте, куда раньше смотрел только вскользь. Это киот – угол с иконами и лампадой перед ними. На верхней полке стояли самые большие иконы – самого Спасителя и Богородицы, с Ним же на руках. Парень вглядывался в глаза Христа – внимательные и чуть тревожные.

– Да... хорошо изобразили.

– Кого?

– Да вон... – Никита кивнул, – Бога... – он снова сел. – Взгляд такой, какой должен быть у настоящего преобразователя мира. Из людей никто не решался им быть в той древности. Переложили всё на Бога. Так и пошло мрачное средневековье. Ты извини, конечно, тебе ведь мама по-другому всё долби... говорила по-другому всё. Но вот, нашлись у меня не такие взгляды, и я их высказываю прямо.

Маша вдруг неожиданно оживилась:

– А я ведь тоже, Никит, хочу высказать кое-что прямо.

Парень предельно заинтересовался.

– Я ведь когда-то была... беременна!

Никита встрепенулся, привстал, и у него стали вырываться отрывистые звуки, будто он задыхается. Маша же продолжала как ни в чём не бывало:

– Этот парень тоже помогал мне учиться, до того ещё, как ты переехал сюда. И к нему как раз мама сразу расположилась, она же его и нашла где-то.

– А как же... – протянул Никита, указывая на киот, упоминая религиозность её матери.

– Она, естественно, ничего не знала. Я по ночам в своей комнате прислушивалась, как он по замку постукивал, тихонько впускала, и мы с ним занимались этим самым. А как обнаружилось, что я в неполных шестнадцать беременна, то пришлось сделать...

Никита пошатнулся и опёрся на стол. С Машей в этот момент произошло невероятное – она весело улыбнулась. Но Никита этого не заметил.

– Хорошо я сочиняю, Никит?

– Что-о-о? – в полуобморочном состоянии выкрикнул парень.

– Да пошутила я, Никит, чего ты? Я слышала, что шутить полезно.

Произошедшее дальше с Никитой трудно поддаётся описанию. Он разразился диким хохотом и в бессилии почти лёг на стол.

– Ой, умница, Маш... Ха-ха-ха!.. Как весело мне от тебя стало... Ха-ха-ха!.. Раз... Ой-ой-ха-ха... разрядила... Хи-хи!.. Меня... Эа-ха-ха!

– Похоже это на твою анархию?

– Чуть-чуть... Ох-ха-ха!..

Парень хотел сесть на стул, но сел мимо, ушиб локти, но хохотать не перестал. Он не мог встать с пола и катался по нему.

– Ну хватит, Никит, осторожней, уронишь на себя что-нибудь. Здесь нож, кастрюли, – и Маша с хозяйственным видом всё это отодвинула.

Никита издавал уже не смех, а какие-то отрывистые хрипы и даже не думал подниматься с пола.

– А может тебе водички дать?

– Ну, давай, о-хо-хо-о...

Маша налила фильтрованную воду из чайника и присела, чтобы подать Никите. Он, наконец, привстал и выпил. Затем встал окончательно – на ноги.

– Ох, вовремя ты остановилась! А то мог меня инфаркт хватить. Он же молодеет, сейчас и в двадцать лет не редкость.

– Я тоже подумала: вовремя. Я ещё просто хотела узнать: похоже это на твою анархию – нагуливать ребёнка, а потом его убивать?

– Не совсем ты так поняла, – всё ещё посмеивался Никита. – Анархия всегда за жизнь! Потом поговорим, будет ещё время. Пока что – спасибо за эмоциональную разрядку! Вот уж не ожидал! Умница – такое придумать! Любовные романы бы тебе писать! Сейчас уж мама твоя придёт скоро, пойду пока. Помни, что люблю тебя. Сегодня ещё больше полюбил!

И слегка свихнувшийся Никита пошёл к выходу. Такой дикий хохот у него ещё повторялся ночью.

Часть IV Тяжеломыслие

1. Авантюра

Когда началась непосредственно учёба на четвёртом курсе, Сергей слегка отошёл от шока... А затем в его, в общем-то всё ещё умной голове начал потихоньку-полегоньку вырисовываться некий план новой встречи с Белкой. Один бы он не справился... Нужен был кто-то для отвлекающего манёвра. И пока что наилучшим претендентом в компаньоны, несмотря на все моменты недопонимания, был Рома Фокин.

План назрел таков: приехать с Ромой к прежнему зданию и изобразить там социологический опрос на тему: «Отношение общества к философии». А пока не появится, не выйдет нужный объект – Белка – просто стоять и говорить с Ромой на заумные темы, мастером которых Рома и являлся. Главное, и сам Рома ничего не будет знать о конечной цели. Но и совершать в отношении него грех лжи Сергею также не придётся, – ведь соцопрос действительно будет, но только он будет средством для другой цели, от Ромы скрытой. И что совсем замечательно – недоверчивый Рома вдруг быстро и с воодушевлением согласился, ведь тема соцопроса и его интересовала ещё как!

Для начала Сергей проводил одиночную разведку – направлялся в прежнее здание в другом конце Москвы и рассматривал расписание нужной группы. Да! Он уже знал, какая группа ему нужна. Ему удалось, учась в этом здании, засечь момент, когда Белка входит в аудиторию с определённым номером. Затем Сергей, глядя в расписание и ощущая себя истинным разведчиком, сопоставил номер аудитории с днём недели и номером пары, и оказалось, что занятия только у одной группы! Красота! С того момента он знал, в какой группе учится Белка. И теперь смотрел расписание только этой группы. Не всегда, правда, оно помогало ему обнаружить выход своей музы, и он с Ромой присутствовал, говоря на философские темы, но безрезультатно. Роме Сергей просто говорил, что пока нужных для опроса людей не оказалось, а Рома так ничего и не заподозрил. Рома даже помогал Сергею лучше всматриваться в расписание, замечать конкретные даты, обозначенные в скобках. По меркам убогой жизни Капитонова то, что он задумал было настоящей авантюрой.

Девушка с щекатым лицом действительно была музой Сергея, сама того не ведая, подбадривала его в учёбе и вообще помогла остаться в этом институте после столь жёстких конфликтов, например, с тем же Ромой. В надежде её увидеть прошла вся зима. И вот, в начале весны... *это произошло*. Чудо из чудес. Все чрезвычайно редкие и оттого запоминающиеся моменты радости в жизни Сергея, все они без исключения предвещали *этот момент!* Сначала из двери вышла девушка, в которой он узнал подружку, провожатую Белки. И Сергей замер, неужели сейчас... Да! Под розовой шапочкой появилось личико, похожее на беличью мордочку! Сколько он шёл к этому моменту, когда не решиться действовать равнозначно смерти!!

Сколько он отдалённо намекал матери о своём стремлении познакомиться, как долго она не догадывалась и как давно уже догадалась! Этот момент настал! Как он доходил до просьбы совета у своих пьяных и развратных однокурсников! Этот момент настал! Сколько слышал предостережений, что он эту девушку напугает или, наоборот, она окажется не такой и сама чем-нибудь ужаснёт его. Этот момент настал! Сколько он, оставаясь незнакомым этой девушке, оставался ей беззаветно верен! Этот момент настал! Как ему было страшно представлять, во что превратится его жизнь, если он так и не... А впрочем, ни к чему вспоминать, когда этот момент настал!!

Сергей договорился с Ромой, что как только «нужные люди» выйдут на крыльцо, они меняют тему своего разговора на первоначальную. Рома увидел, стоя спиной к крыльцу, как Сергей слегка замер, затем быстро произнёс:

– Стоп... Начальная тема!.. – далее обычным голосом. – Так вот, я говорю, что у философии сфера практического применения до того мала, что сводится только к её же преподаванию. Если раньше...

Белка в сопровождении всё тех же подружек прошла мимо говорящего давно заготовленную речь Сергея, уже не заметив его и свободно глядя перед собой.

– Если раньше, в древности ещё... Ходу, Рома, ходу... – Сергей двинулся за ними и позвал за собой собеседника. – ...Цари всякие там спрашивали совета у мудрецов, то теперь всякие мудрецы от власти отдалены. А философия как специальность нужна только для дальнейшего её преподавания, повторения того же. Это замкнутый круг, из которого выхода пока не намечается. Вся философия как специальность – порочный круг, получается. Или это государство так сделало, или сама по себе философия такой сделалась и такое незавидное положение в обществе имеет...

Сергей приблизился к Белке уже на такое расстояние, что она должна была чётко слышать каждое его слово.

– У учащегося другой специальности спроси – тот чётко ответ даст... Вот... Вот сейчас, к примеру, давай вот у девушек спросим... Извините, девушки, можно вопрос по поводу нашего разговора?

– Да-да! – вовсе не испуганно, звонким голосом отозвалась Белка, не поворачивая головы.

– Вот вы, – обратился Сергей сначала сразу ко всем, – если я не ошибаюсь, с факультета «ин яз»?

– Да! – снова звонко и деловито ответила Белка, прикрыв на миг глаза и сложив губы в лёгкую улыбку.

– Так вот, я хотел бы узнать у вас, – теперь Сергей именно к ней обращался на «вы», и в то же время заметил заинтересованную улыбку её подружки, – и вас: какие перспективы в плане профессии открывает ваша специальность?

Ответ, который дала Белка, был не очень важен Сергею. Что могло значить содержание этого ответа по сравнению с тем фактом, что ему – именно ему, Сергею Евгеньевичу Капитонову – что-то говорила эта девушка, после столького времени ожидания и попыток добиться этого?! Насколько этот звонкий, чёткий и уверенный голос значил больше того, что им говорилось! Сергей только лишь запомнил слова: «Если что, можно и поменять специальность на экономиста», – и отметил про себя, что, оказывается, Белка не держится намертво за свою специальность, что в смене специальности ничего странного нет.

Словом, разговор начался! Не какой-нибудь, а именно этот! Главное было, чтобы он не прерывался! Но Сергей к такому случаю заранее подготовил запас слов. Рядом был ещё Рома, и Сергей про него не забыл, на платформе метро обратился к нему:

– Ром, ты имеешь, что спросить у девушек?

И Рома спросил у Белки про степени владения английским, в результате чего она усмехнулась уже от Ромы, от его остроумно и логично выстроенной фразы по поводу этих ступеней: «Значит, эта ступень владения получается ещё выше, чем высшая вузовская?». И Сергей больше не стал подключать его к разговору. Да и Рома не вникал.

На пути в метро предстоял один переход, и Сергей говорил с Белкой без перерыва, но не говорил ничего пустого. Он рассказал ей про Институт Философии, его местонахождение, про то, как к нему в метро обратился один американец (и это Сергей не придумал!), и как сам он сказал ему кое-что по-английски. На заданный Белке вопрос, так ли он сказал, она его чуть-чуть подправила.

При переходе на кольцо, Сергей расстался с Ромой, который ехал как раз в Институт Философии, на прослушивание доклада одного учёного.

– Извини, Ром, разговор важный наметился.

И два товарища сели в поезда противоположных направлений. Белке Сергей стал уже надоедать, судя по её укоризненному взгляду.

– Я прошу прощения за занудство, но так уж получилось, что мы с вами едем в одном направлении, и мне ещё не мешало бы узнать про педагогическую практику.

Когда Белка весело распрощалась с подружкой, помахав рукой, она спросила у Сергея с лёгким упрёком:

– А вам до какой станции ехать? – обращаясь, как и он, на «вы».

– Ну, скажем, до «Комсомольской», – назвал Сергей станцию, откуда можно было бы добраться до Института Философии.

Под конец этой великой беседы Белка смирилась с присутствием Сергея.

– А вы не ожидали, что мы к вам сюда приедем, будем соцопрос проводить?

– Не-э-эт! – удивлённо протянула Белка.

– Значит, вам такой подарок на восьмое марта! – радостно возвестил Сергей. Белка от души расхохоталась, обнажив до дёсен два больших передних зуба.

Приближалась станция «Комсомольская», и дело осталось за малым – чтобы Белка перестала быть просто «белкой» и выяснилось её человеческое имя.

– И в завершение своего соцопроса я задам такой вопрос: а как вас зовут?

– Люба! – сквозь новый смех ответила девушка и замерла в ожидании ответного представления.

– А меня – Сергей!

– Очень приятно!

– Мне... тоже... – с перехваченным дыханием зачем-то сказал парень, заворуженно глядя в сторону и не веря тому, чего достиг.

– Ну ладно, всё, выхожу! Может, ещё пересечёмся как-нибудь.

Люба осталась стоять в вагоне, растерянно и изумлённо улыбаясь. Сергей вышел от девушки с таким редким для молодого поколения именем. Какой угодно путь Сергею теперь был нипочём. Он теперь направился к Роме, в Институт Философии. Он ехал под землёй, но ему казалось, что он не едет, а летит на крыльях, и не под землёй, а *над* землёй. Он был уверен, что узнал имя своей невесты.

Институт Философии находился рядом с главным храмом страны. При выходе из метро этот храм сразу же выделялся своей монументальностью. И Сергей, после такой милости Божией, легко и радостно перекрестился, правда, постаравшись, сделать это не слишком заметно для окружающих – всё-таки уж очень непривычно пока. В Институте он входил и поднимался на лифте так, будто здесь должен произойти величайший в его жизни праздник. Он спросил, где выступает с докладом такой-то профессор и поднялся в нужную комнату, где стулья были расставлены вдоль стен. Доклад ещё даже не начинался.

Сергей нашёл Рому, но... что за вид у того! Рома полусидел-полулежал, ноги вытянуты далеко вперёд, руки переплетены на груди, а лицо опущено вниз с выражением какой-то... трагичности!

– А вот и я! – возвестил Сергей.

– А-а, – вышел Рома из забытья, – ну как там у тебя... разговор твой?

– Очень даже неплохо!

Они помолчали – каждый на свой лад.

– Ты одежду-то верхнюю сними хоть.

– А, сейчас... в гардеробе?

– Да, вниз спускайся там...

– Меня вроде так пустили...

В другой раз такой тон у Ромы задел бы Сергея, но не теперь! Сергей снова спускался и поднимался на лифте, как будто порхал бабочкой.

Профессора после доклада затюкали, задавили замечаниями, и настроение у него сделалось, как у Ромы. Зато к Роме оно вернулось. По дороге в метро снова разговорились, и Сергей ничуть не уступал товарищу по напору рассуждений, как тот когда-то и хотел.

2. А что дальше?

И что, переменялась ли жизнь Капитонова после этой встречи, которой он добивался не один год? На несколько дней чуть-чуть переменялась. Далее возникло ощущение оборванности, недоделанности начатого. Столько времени потратить на то, чтобы достичь единственной встречи, ради единственной встречи придумывать такую авантюру со втягиванием в неё Ромы – абсурд. Где продолжение? Оно должно выглядеть для Любы случайным.

Сергей придумал проезжать мимо того здания университета, ехать из какого-то другого места. Если проехать на метро дальше, то что там будет за особенное место? Там есть огромный рынок техники. Оттуда и должен возвращаться Сергей, подъезжая к нужному месту с другой стороны.

Со временем он так и сделал. Был тот же самый день недели, когда Люба должна выходить во столько же. Да и само посещение рынка техники тоже имело своё значение. Должен же современный человек, тем более молодой, хоть чуточку интересоваться техникой. А то, получается, серьёзно Капитонов от жизни-то отстаёт!

Походил он по двум этажам огромного здания, слыша из павильонов такие настойчивые зазывания, что разве только за руку его не хватили. «Вот она, Россия, – подумал парень, – соединение в одном месте западных технологий и восточного базарного зазывания». Зазывали его такие же парни, примерно такого же возраста, но обращаясь на «вы». Одного Сергей всё-таки уважил – зашёл к нему в павильон. Тот так быстро тараторил про различные диски с компьютерными играми, что Сергей только сказал в ответ:

– Да-да, спасибо. Я пока подумаю, что брать. Я пока пришёл ознакомиться.

И, разумеется, Сергей непрестанно поглядывал на свои наручные часы. Он всё рассчитал. Сколько сообразительности вдруг нашлось у этого обычно угрюмого здоровяка! Всё дело в возникшей у него цели. Этой целью была любовь, как с заглавной, так и со строчной буквы.

Вот – три часа дня, с окончания занятий у Любы прошло десять минут. Она должна появиться здесь, на переходе, где в прошлый раз он уже шёл с ней рядом. Сергей отошёл в сторону от людского потока и всматривался в него. За спиной был «Метро-буфет».

Да! Вот и она в той же розовой шапочке. Значит, надо идти. Только... успеет ли он? Вот, он уже на эскалаторе, впереди, внизу та самая беличья мордочка, повернутая к подружке. Сход с эскалатора. Народ, народ... Не успевают Сергей, уже потерял Любу из вида. Он просто сел в поезд нужного Любе направления. Но когда сел, в нём уже что-то сжалось. Ощущение упущенной возможности что ли опять? Вся его жизнь – сплошное упущение?.. Стоял в вагоне одну станцию ни жив, ни мёртв.

Но вдруг что-то всё-таки произошло. На следующей станции народу значительно убавилось. Настолько, что Сергей увидел Любу. Её подружка также вышла. Подойти?.. Этого не пришлось делать. Она... подошла сама.

– Здравствуйте! – обратилась она на «вы», как он в прошлый раз. Начался новый разговор на заранее заготовленные темы. Начал Сергей про рынок техники с его зазывалами, кончил – про постмодернизм. Люба пару раз снова посмеялась. Что интересно – взгляд у Любы был какой-то жалостливый. Но вот и станция «Комсомольская», где в прошлый раз вышел Сергей. Теперь же он заранее объявил, что едет дальше – в библиотеку. А вот Люба вдруг вышла.

– Дальше едете? Хорошо! До свидания! – сказала она с таким же нежным, жалостливым взглядом. А Сергей вот не додумался выйти, сказав, что в библиотеку ему не срочно. Неожиданно она вышла, и он не успел сообразить. Такой взгляд он оценил, но возник и один неприятный момент. Она показалась ему как-то вдруг менее привлекательной. Волосики какие-то жиденькие, большая разница с ним в росте. И, наконец, на лице какие-то пятна, пигментация. Неужели для него так много значит наружность? Отчего? Видимо, оттого, что хвалили его наружность. Может быть, и не так много хвалили, но в память въелось, потому что это была не похвала, а дразнилка, учитывающая его сложности в общении.

Направился он, действительно, в библиотеку. Но куда делось воодушевление?

Наступила очередная мрачная полоса. И Сергея ещё кое-кто добил. Этого человека, правда, в живых уже не было. Просто обернулся другой стороной его интерес к русской классической литературе. Попался на глаза один из томов Льва Толстого, который соседи вынесли в коридор, а мама подобрала, зная основные интересы Сергея. В этом томе, среди прочих, была повесть «Крейцера соната». Сергей узнавал о ней раньше, о каких-то содержащихся в ней противных ему идеях. Попробовал он теперь прочитать непосредственно саму «Крейцерову сонату». Результат – просто ненависть к Толстому! Такую-то поддержку ему оказал этот так называемый великий писатель, в трудный и ответственный период личной жизни. Своим анти-сексуализмом Толстой явил вражду к молодости как таковой, опорочил далёкие цели Сергея. Что значит, что настоящая любовь – бесполовая, какая-то духовная? Это значило для Сергея, что вся она – тоска, вздохи, слюни. Этот Позднышев жалел не о том, что убил жену, мать своих детей, а только лишь о том, что любил её как-то не так. И если бы эту мразь собеседник вышвырнул из вагона, тогда Сергей бы чуть побольше заужавал повесть. А так – он её не дочитал, а книгу, и так рваную, разорвал до конца и выбросил в мусоропровод.

К Роме Фокину, бывало, ещё подкатывала зависть, но таких приступов как на пути в Институт Философии и нахождения там до конца выступления профессора, уже не было. Роме помогло то, что Сергей, встретившись и познакомившись с этой девушкой, никак над ним не возвышался (не в смысле роста, конечно, а в смысле отношения). Как перед осуществлением этого замысла, так и после, Сергей ничего про Любу не говорил. Да и Рома пару недель не спрашивал, выжидал. Но однажды не удержался и спросил неожиданно:

– Ну, давай, рассказывай, как у тебя дела?.. Как подружка?

Сергей от неожиданности крикнул.

– Да пока ещё так...

– В кино-то сводил хоть?

– Свою, надеюсь...

Пока в этом разговоре настал перерыв, до момента выхода из университета.

– ...Ноль – это всегда ноль. Взять ноль хоть чего – ноль яблок, ноль книг, ноль проституток... Вот, если есть уже что-то одно – яблоко, книга, проститутка – это совершенно разные вещи, – рассуждал Сергей на заданную товарищем тему.

– А скоро свадьба? – вновь наскочил на него Рома, ещё более неожиданно. Он хоть и улыбался, но с какой-то натяжкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.